

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный университет правосудия»
Северо-Кавказский филиал**

Кафедра общетеоретических правовых дисциплин

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ ПРАВОВОЙ
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ:
ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

**Материалы
II Всероссийской научно-практической конференции
(23 мая 2018 г.)**

Сборник статей

Краснодар
2018

УДК 340.11
ББК 67.01
П68

Редакционная коллегия издания:

Гараева Галина Фаизовна, д-р филос. наук, профессор,
заместитель директора Северо-Кавказского филиала
ФГБОУВО «РГУП» по научной работе;

Дарда Алексей Владимирович, канд. юрид. наук, доцент,
заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала ФГБОУВО «РГУП»;

Ковалева Виктория Викторовна, канд. юрид. наук,
доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала ФГБОУВО «РГУП»

П68 Проблемы правоприменения в условиях правовой неопределенности: история, теория и практика : материалы II Всероссийской научно-практической конференции (23 мая 2018 г.). Сборник статей / Отв. ред.; Г.Ф. Гараева, А.В. Дарда, В.В. Ковалева; СКФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2018. – 90 с.

ISBN 978-5-91718-554-5

В настоящем издании представлены материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы правоприменения в условиях правовой неопределенности: история, теория и практика», состоявшейся 23 мая 2018 г. в Северо-Кавказском филиале Российского государственного университета правосудия. Сборник содержит статьи, в которых рассмотрены актуальные исторические, теоретические и практические аспекты правоприменительной деятельности в России.

Сборник рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, практикующих юристов, а также для всех интересующихся проблемами применения права.

ББК 67.01
УДК 340.11

ISBN 978-5-91718-554-5

© Коллектив авторов, 2018
© Оформление ООО «Издательский Дом – Юг», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Баранов А.В.

Критерии эффективности правоприменительной деятельности
в условиях правовой неопределенности 5

Дарда А.В.

Судейское усмотрение в условиях
правовой неопределенности 8

Гаврилов Е.В.

К вопросу о правовой неопределенности понятия
доброе имя юридического лица 12

Гусарова М.А., Гулидова Н.В.

Язык права в современном социокультурном пространстве:
к постановке проблемы 16

Иншакова Е.Г.

Эффективность правоприменительной деятельности
в условиях правовой неопределенности 23

Карапетян Л.А.

Проблема судебной практики в отечественной
правовой мысли на рубеже XIX–XX вв. 27

Ковалева В.В.

Влияние правовой неопределенности на эффективность
применения права 35

Кожушко С.В.

Теоретические проблемы идентификации принципов
бюджетного права 39

Комарова Л.В., Гриценко Я.С.

Судебная практика назначения более мягкого наказания,
чем предусмотрено за данное преступление 43

Линько В.В.

Правоприменение в контексте глобализации:
основные тенденции, противоречия, риски 50

Самусенко Т.М.

Функции правоприменения в условиях
правовой неопределенности 55

Христинич И.В. Ответственность подрядных организаций при оказании услуг и выполнении работ по капитальному ремонту многоквартирных домов	59
Чолахян В.А. Некоторые аспекты взаимодействия правовых систем в условиях глобализации	67
Шаповалова Я.В. Специфика дефектов правоприменительных актов, обусловленная неопределенностью в праве	73
Шаповалова Я.В. Судебное правоприменение как средство адаптации права в условиях правовой неопределенности (теоретико-правовой аспект)	77
Шепелева А.С. Роль советского научного дискурса в становлении концепции интегративного правопонимания (70–80-е гг. XX в.)	81
Яценко А.О. Регулирующее воздействие судебной практики в социально-трудовых отношениях	86

Баранов А.В.,
канд. юрид. наук, доцент кафедры
общетеоретических правовых дисциплин,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО «РГУП»
г. Краснодар

КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Принцип правовой определенности, несмотря на то, что был известен юристам давно, прямо не закреплен в российском законодательстве, но в последнее время он получил широкое распространение, прежде всего, в международном праве, а затем в юридической науке и в правоприменительной практике. Содержание принципа раскрыто в ратифицированной в России в 1998 г. Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. На основании указанной конвенции были приняты Постановления ЕСПЧ, «осудившие практику отмены вступивших в законную силу судебных решений в порядке надзора»¹. «Наиболее известными и чаще всего цитируемыми из них являются Постановления по делам «Рябых против Российской Федерации» (от 24 июля 2003 г.) и «Волкова против Российской Федерации» (от 5 апреля 2005 г.), послужившие основанием для принятия Промежуточной резолюции Комитета министров Совета Европы от 8 февраля 2006 г. ResDH (2006) относительно нарушения принципа правовой определенности в результате пересмотра судебных решений в порядке надзора в ходе судебных разбирательств по гражданским делам в Российской Федерации»².

Данный принцип означает, что вступившие в законную силу судебные решения (*res judicata*) должны быть стабильны. Как указывает И.С. Дикарев, «ключевой элемент принципа правовой

¹ Султанов А.Р. Правовая определенность и уважение судебного решения, вступившего в законную силу, по делам об оспаривании действий государственных органов // Законодательство и экономика. – 2011. – № 8. – С. 53–64.

² Султанов А.Р. Правовая определенность – часть должной правовой процедуры или как в закон об экстремизме правовую определенность вводили // Адвокат. – 2015. – № 1. – С. 5.

определенности в сфере процессуального права – обеспечение стабильности правоприменительных решений, прежде всего вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда»¹. Соответственно, стабильность судебных решений предполагает как наличия ключевых конституционных требований, прежде всего, законности и равенства всех перед законом и судом, так и требований законодательной техники, предъявляемых к содержанию нормативных правовых актов – ясность, краткость, определенность, точность недвусмысленность и т.д.

Неопределенность права, соответственно, явление противоположное определенности. Как считает Т.Н. Назаренко, «Неопределенность в широком смысле – явление несовершенства правового регулирования, обусловленное объективными и субъективными факторами правообразования. Обозначает неточное, неполное и непоследовательное закрепление и реализацию в праве нормативной правовой воли. Это своеобразное несовершенство права, дефект правовой воли»².

А.В. Кашанин выделяет следующие критерии неопределенности права: неопределенность языка и правового предписания; намеренная неопределенность закона; неполнота закона, пробельность в регулировании; абстрактность правил; противоречивость правил поведения; дисфункции, противоречие фактических результатов целям закона; неопределенность правил толкования правовых предписаний и восполнения пробелов³.

Безусловно, в современной российской правовой действительности элементы неопределенности права присутствуют достаточно широко, что обусловлено рядом причин, прежде всего, политического, экономического и организационного характера. В сложившихся условиях говорить о повышении эффективности правоприменительной деятельности и определении ее критериев необходимо, поскольку и реализация конституционного принципа законности и цели правового регулирования напрямую будут зависеть от результата этой деятельности.

¹ Дикарев И.С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе. – Волгоград, 2015. – С. 5.

² Назаренко Т.Н. Неопределенность в российском праве : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 9.

³ Кашанин А.В. Неопределенность права и усмотрение правоприменителя как ограничители использования централизованных методов регулирования // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2013. – С. 19–32.

По этой причине необходимо выработать систему критериев эффективности правоприменительной деятельности, оказывающих влияние как на общие, так и на конкретные аспекты правоприменительной деятельности. Соответственно, следует выделить две группы критериев – общие (общесистемные), распространяющих свое действие на все отрасли права в полной мере и частные, касающиеся, прежде всего, процессуальных отраслей права.

По мнению М.И. Гильмутдиновой, «К общесистемным критериям эффективности правоприменения относятся: Во-первых, стабильность системы правоприменения, т.е. целенаправленное устойчивое движение системы механизма правоприменения. Во-вторых, гибкость системы правоприменения, что означает приспособляемость самой системы к изменениям во внешней среде. В-третьих, непротиворечивость правоприменительной деятельности. Конкретное правоприменительное решение должно согласовываться с другими актами применения права, как в рамках отдельного государственного органа, так и всего аппарата государства»¹.

К частным (процессуальным) критериям эффективности правоприменения следует отнести следующие:

«1) доступность соответствующей правоприменительной процедуры;

2) своевременность – рассмотрение дел в разумно достаточные сроки;

3) беспристрастность – отсутствие личной заинтересованности правоприменителя в исходе рассматриваемого дела;

4) реальное восстановление прав заявителя или, когда это невозможно, компенсация причиненного вреда»².

Указанные критерии эффективности правоприменительной деятельности позволят, в конечном итоге, достичь не только целей правового регулирования, но и реализации ключевых конституционных и правовых принципов.

¹ Гильмутдинова М.И. Теоретические основы эффективного правоприменения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2012. – С. 7.

² Яловенко Т.В. Правоприменительная деятельность в правозащитной системе современного государства (вопросы теории) : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2015. – С. 9.

*Дарда А.В.,
канд. юрид. наук, доцент,
заведующий кафедрой
общетеоретических правовых дисциплин,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»
г. Краснодар*

СУДЕЙСКОЕ УСМОТРЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В современных условиях активного развития общественных отношений в ситуации проявления правовой неопределенности важное значение приобретает усмотрение судьи.

Опираясь на действующие нормы, судья достаточно часто может столкнуться с проблемой судебного усмотрения, с возможностью и пределами его применения в своей практической деятельности.

Какова же природа проявления (основные причины) судебного усмотрения? Как нам видится, самой важной является крайне динамичное развитие современного общества, при котором законодатель просто не в силах породить нормы, рассчитанные на длительное применение. Еще одной причиной является большое разнообразие жизненных ситуаций, которые не могут быть в полном объеме отражены в абсолютно-определенных нормах. И наконец, встречаются ситуации проявления дефектов законодательной техники.

Н.А. Власенко, анализируя явление неопределенности в праве, отмечает: «При возникновении коллизий норм права, пробелов в праве суд разрешает дело при помощи усмотрения. Правоприменитель в соответствии с правилами выбирает одну из установившихся коллизионных норм; аналогичное происходит и в случаях пробельности – субъект правоприменения использует правила аналогии. Это позволяет уйти от правовой неопределенности, способной привести к произволу и беззаконию»¹.

Единой точки зрения в отношении понятия судебного усмотрения в юридической литературе до настоящего времени не

¹ Власенко Н.А. Неопределенность в праве: понятие и пути исследования // Российское правосудие. – 2006. – № 7. – С. 12.

сформировалось. Рассмотрим основные мнения по данному вопросу.

О.А. Папкина определяет судебское усмотрение как предусмотренную юридическими нормами, осуществляемую в процессуальной форме мотивированную правоприменительную деятельность суда, состоящую в выборе варианта решения правового вопроса, имеющую общие и специальные пределы¹.

По мнению А. Барака, судебское усмотрение – это данное судье полномочие выбирать из ряда возможностей, каждая из которых законна в контексте системы².

Иную позицию высказывает П.В. Марков, который говорит, что «существующие в отечественной юридической науке трактовки судебного усмотрения как особого властного полномочия суда или принадлежащего ему субъективного права неверны. Судебное усмотрение представляет собой не особое полномочие, предоставленное суду, а способ осуществления властных полномочий по разрешению правовых споров и совершению отдельных процессуальных действий»³.

П.А. Гук дает следующее определение: Судебское усмотрение – предоставленное судье право свободного анализа и выбора единственно возможного варианта решения (из имеющихся нормативных актов, принципов, правовых позиций, судебной практики), способного урегулировать отношения при разрешении правового спора в определенном виде судопроизводства и установлении юридического факта с закреплением результата выбора в судебном акте⁴,

Российский ученый В.И. Телятников судебское усмотрение сопрягает с понятием внутреннего убеждения судьи, которое «является правовой категорией, фикцией, выражающей субъективную мыслительную деятельность судьи по осуществлению правосудия по конкретному делу в целях достоверного установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, с последующей объективацией результатов в решении суда, включающей как

¹ Папкина О.А. Усмотрение суда. – М., 2000.

² Барак А. Судебское усмотрение. – М., 2009. – С. 299.

³ Марков П.В. Правовая природа и условия осуществления судебного усмотрения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – С. 7.

⁴ Гук П.А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2012.

процесс исследования, так и оценки доказательств, условия для правовой квалификации содеянного, оценки результатов деятельности участников процесса по выполнению процессуальных функций, переходящей в ходе разбирательства дела и вынесения судом решения в конкретное достоверное знание об обстоятельствах дела, основанное на доказательствах»¹.

Проанализировав ряд мнений ученых, можно прийти к выводу о том, что судебское усмотрение имеет место тогда, когда возникает необходимость толковать ту или иную норму права или применить институт аналогии закона или аналогии права в ситуации правовой неопределенности. Данная деятельность носит в определенной степени творческий характер и не может осуществляться безотносительно к конкретным обстоятельствам дела. Усмотрение суда состоит в том, чтобы, учитывая специфику совокупности указанных обстоятельств, выбрать подлежащую применению норму в данном конкретном случае.

По нашему мнению, под судебским усмотрением необходимо понимать определенное право судьи производить процессуальные действия, направленные на выбор, обязательность которых не установлена и не запрещена процессуальным законом. В данном случае уместным будет привести мнение ученого Л.Н. Берг, который полагает, что в целом судебское усмотрение в рамках данной правовой семьи представляет собой выбор варианта решения как минимум в пределах правовой нормы, как максимум – либо нормы права, либо принципов и общих начал законодательства при аналогии закона или аналогии права².

Можно согласиться с С.В. Лозовской в том, что судебское усмотрение всегда так или иначе связано с выбором³. В чем же причины этого выбора?

Одной из причин является ситуация, при которой законодатель при создании правовых норм изначально предусматривает в их структуре несколько альтернативных вариантов поведения, или несколько альтернативных правовых последствий поведения.

Кроме того, законодатель все чаще прибегает к такому приему законодательной техники, как «оценочные понятия», под

¹ Телятников В.И. Убеждение судьи. – СПб., 2004. – С. 94.

² Берг Л.Н. Проблема судебного усмотрения в аспекте компаративистики // Академический юридический журнал. – 2007. – № 4. – С. 10.

³ Лозовская С.В. Соотношение судебного усмотрения и судебного правотворчества // Российский судья. – 2009. – № 9. – С. 24–26.

которыми понимаются относительно-определенные положения, сформулированные в правовой норме путем указания наиболее общих признаков, свойств, качеств, связей и отношений разнообразных предметов, явлений, действий, процессов, предусматривающие в рамках содержательных критериев, установленных законодателем, самостоятельную оценку правоприменителем поведения в конкретной ситуации в данной социальной среде и в данное время с учетом внутреннего убеждения¹.

Еще одной причиной является естественная невозможность окончательно исключить ситуации связанные с наличием пробелов и коллизий в праве, восполнение и разрешение которых требует активной позиции судьи.

Все указанные причины указывают на наличие неопределенности в праве. В первых двух случаях ситуация правовой неопределенности является относительной и предусмотрена самим законодателем. В отношении правовых норм с альтернативным содержанием законодатель придерживается принципа плюрализма моделей регулирования. В случае с оценочными понятиями законодатель сталкивается с объективной невозможностью детального регулирования общественных отношений ввиду многообразия возможных жизненных ситуаций, и намеренно оставляет право наполнять содержание указанных норм за судом.

Правовая неопределенность, возникающая вследствие пробела в праве, очевидно, не может рассматриваться в качестве законодательно предопределенной. При рассмотрении и разрешении дела в такой ситуации судье невольно приходится прибегать к свободной усмотрительной деятельности².

По нашему мнению судебское усмотрение имеет место в правоприменении при необходимости использования оценочных правовых категорий, которые закрепляются в гипотезах норм. По своей природе судебское усмотрение представляет некий мыслительный интеллектуальный процесс, при котором отсутствует возможность оказания всяческого давления на судью. В тоже самое время, итоговые результаты судебного усмотрения рано или поздно должны быть преданы публичности, что обязательно вле-

¹ Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: теоретико-правовой анализ и практика правоприменения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010. – С. 34.

² Матанцев Д.А. Роль судебного усмотрения в механизме правового регулирования // Nauka-rastudent.ru. – 2016. – № 02(26).

чет за собой появление сторонников и противников данного усмотрения.

Таким образом, сущность судейского усмотрения представляется неоднозначной, в силу того, что с одной стороны это необходимость, связанная с обеспечением развития самого права, а с другой стороны это возможность для суда допустить злоупотребления. По своей природе в большинстве своем судейское усмотрение проявляется как возможность исправить те недочеты, которые допустил законодатель в своей деятельности. Оно должно отвечать всем обстоятельствам дела, принципам справедливости, целесообразности и разумности. Одновременно со всем вышесказанным, судейское усмотрение представляет собой проявление принципа самостоятельности и независимости самого судьи. При обнаружении неопределенности в праве в процессе рассмотрения конкретного дела с использованием судейского усмотрения суду необходимо руководствоваться принципами права и формулировать пределы судебного усмотрения, исходя из их содержания.

В заключении хочется согласиться с высказыванием Торпуджиян А.Я., которая говорит о том, что в возможности осуществлять усмотрение проявляется динамизм права, его приспособляемость к изменяющимся историческим условиям и конкретным ситуациям¹.

*Гаврилов Е.В.,
консультант юридического отдела
экспертно-правового управления
Законодательного Собрания
Красноярского края, г. Красноярск*

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПОНЯТИЯ ДОБРОГО ИМЕНИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Гражданским кодексом Российская Федерация (далее – ГК РФ) доброе имя отнесено к нематериальным благам, принад-

¹ Торпуджиян А.Х. Судейское усмотрение – способ повышения эффективности правоприменения. Международное научное издание современные фундаментальные и прикладные исследования. – 2018. – № 1(28).

лежащим гражданину от рождения или в силу закона, которые защищаются в соответствии с ГК РФ и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ) вытекает из существа нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права и характера последствий этого нарушения (ст. 150 ГК РФ).

Напрямую ГК РФ не связывает категорию «доброе имя» с юридическими лицами. Обоснован ли такой подход? Имеют ли юридические лица право на доброе имя? Как «доброе имя» соотносится со схожими понятиями, в частности «честью» и «деловой репутацией»? Что понимается под добрым именем юридического лица? В рамках настоящей статьи постараемся ответить на эти вопросы.

По нашему мнению, юридические лица имеют право на доброе имя ввиду следующего.

Во-первых, Конституция РФ (ч. 1 ст. 23) предусматривает, что каждый имеет право на защиту своей чести и доброго имени. Под словом «каждый» понимается не только гражданин, но и любой другой субъект права, в частности юридическое лицо.

Во-вторых, многочисленные отечественные научные исследования, а также судебная практика подтверждают, что юридические лица имеют не только деловую репутацию, но и доброе имя¹. Так, В.Н. Шретер еще в 1914 году писал, что «в этой репутации – в «добром имени» купца и предприятия – в наше время в значительной мере зависит успех торгового дела, ибо они при-

¹ См., например: *Дьяченко Е.М.* Деловая репутация юридических лиц : дис. ... к.ю.н.; 12.00.03. Краснодар, 2005. С. 85; Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.Д. Зорькина. – 3-е изд., пересмотр. М. : Норма, ИНФРА-М, 2013. С. 234 (автор комментария к ст. 23 Конституции РФ – *Г.А. Гаджиев*); *Смирнов В.Т.* и др. Обсуждение Основ гражданского законодательства. Круглый стол журнала «Правоведение». Ч. 2 // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 2. С. 107; *Филиппова С.Ю.* Фирменное право России. – М. : Статут, 2016. С. 48, 70–71; *Черников О.Ю.* Защита доброго имени: проблемы терминологии // Право: теория и практика. 2003. № 8. С. 33–40; *Шичанин А.В.* Проблемы становления и перспективы развития института возмещения морального вреда : автореф. дис. ... к.ю.н.; 12.00.03. М., 1995. С. 18, 33. В судебной практике см., например: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.07.2017 по делу № 53-КГ17-12, постановления Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.05.2010 № 15АП-1173/2010 по делу № А32-19502/2009, Шестого арбитражного апелляционного суда от 16.03.2011 № 06АП-65/2011 по делу № А37-1922/2010 // СПС «Консультант-плюс».

влекают клиентуру»¹. Интересно заметить, что первый случай взыскания компенсации нематериального (репутационного) вреда юридическому лицу в Красноярском крае был связан, по мнению истца (юридического лица – некоммерческой организации), с причинением ему «вреда доброму имени и деловой репутации»². Однако имеются и противники распространения на юридических лиц понятия «доброе имя»³.

В-третьих, в некоторых зарубежных правовых системах (например, в Португалии, Словении, Хорватии) признается право юридических лиц на защиту не только своей деловой репутации, но и доброго имени⁴.

Другой вопрос: как эти категории (деловая репутация и доброе имя) соотносятся между собой? Существует мнение, что понятие доброго имени является обобщенным, включающим в себя и честь, и достоинство, и деловую репутацию⁵; либо обобщающей категорией применительно лишь к чести и деловой

¹ Шретер В. Недобросовестная конкуренция. СПб., 1914. С. 2 (Цит. по: Паращук С.А. Предпосылки недобросовестной конкуренции // Предпринимательское право. 2006. № 2. С 7–8).

² Дело № А33-6512/2007 // Из архива Арбитражного суда Красноярского края.

³ См., например: Гусалова А.Р. К вопросу о защите деловой репутации // Общество и право. 2011. № 2. С. 104–108; Парыгина Н.Н. Защита права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по гражданскому законодательству Российской Федерации : автореф. дис. ... к.ю.н.; 12.00.03. Владивосток, 2017. С. 14.

⁴ See, for example: Charles J. Glasser, Jr. International Libel and Privacy Handbook: A Global Reference for Journalists, Publishers, Webmasters, and Lawyers. Bloomberg L.P., 2013; Personality Rights in European Tort Law / edited by Gert Brüggemeier, Aurelia Colombi Ciacchi, Patrick O'Callaghan. – Cambridge University Press, 2010. P. 123; Tatjana Josipović. The Role of Human Rights and Fundamental Freedoms for the Development of Croatian Private Law / The Influence of Human Rights and Basic Rights in Private Law // edited by Verica Trstenjak, Petra Weingerl. Springer, 2015. P. 222; Vanessa Wilcox. A Company's Right to Damages for Non-Pecuniary Loss. Cambridge University Press, 2016. P. 174.

⁵ См., например: Власов А.А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2000. С. 25; Килинкаров В.В. Право на защиту деловой репутации: проблемы установления содержания и управомоченного субъекта // Закон. 2009. № 12. С. 116; Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части первой (постатейный). 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. О.Н. Садикова. М. : Контракт; Инфра-М, 2003. С. 394-397 (автор комментария к гл. 8 ГК РФ К.Б. Ярошенко). В судебной практике см., например: Обзор кассационной практики Верховного суда Республики Коми по гражданским делам за декабрь 2006 г.; определение Ростовского областного суда от 18.12.2013 по делу № 33-16334.

репутации¹. Некоторые считают, что доброе имя – это положительная репутация². Имеется также мнение, что «доброе имя» относится к категории «честь»: тем самым не имеет самостоятельного значения и требует исключения из п. 1 ст. 150 ГК РФ³.

В обобщенном виде под честью понимается общественная оценка морально-этических качеств лица, а под достоинством – самооценка таких качеств. Честь и достоинство всего воспринимаются посредством положительных качеств лица: отрицательных (негативных) чести и достоинства не бывает. В силу правовой сущности юридического лица, не имеющего морально-этических качеств (в традиционном понимании этого), считаем, что юридические лица лишены чести и достоинства. Эти правовые категории для них «растворяются» в смежных правовых конструкциях. В свою очередь, деловая репутация – это как положительная, так и отрицательная оценка деловых (профессиональных) качеств лица. Полагаем, что, говоря о добром имени лица, мы подразумеваем, в первую очередь, положительную оценку деловых (профессиональных) качеств этого лица, но, помимо этого, и положительную оценку его личных качеств, не связанных с его деловой и профессиональной деятельностью⁴.

Таким образом, под добрым именем юридического лица следует понимать положительную деловую репутацию юридического лица, а также положительную оценку иных качеств юридического лица, не связанных с его деловой деятельностью (например, благотворительная деятельность, удобное место нахождения организации, благоприятный климат в трудовом коллективе, по-

¹ См., например: *Леонидов М.А.* Гражданско-правовая охрана чести, достоинства, деловой репутации и доброго имени : дис. ... к.ю.н.; 12.00.03. М., 2007. С. 47; *Рогов Д.И.* Механизм гражданско-правового регулирования отношений, возникающих по поводу чести, деловой репутации и доброго имени граждан : дис. ... к.ю.н.; 12.00.03. Екатеринбург, 2003. С. 172.

² См., например: *Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений): науч.-практ. пособие / Под общ. ред. д.ю.н. М.А. Рожковой.* М. : Статут, 2015. С. 32 (автор § 1.2 *М.А. Рожкова*).

³ *Багдасарова А.Э.* Актуализация правового регулирования отношений по компенсации морального вреда в контексте систематизации проблем их законодательной регламентации // *Актуальные проблемы российского права.* 2017. № 4. С. 74; *Н.Н. Парыгина.* Указ. соч. С. 8.

⁴ См., например: *Омельченко С.С.* Уголовно-правовая оценка клеветы и оскорбления : автореф. дис. ... к.ю.н.; 12.00.08. М., 2008. С. 9, 15-16; *Черников О.Ю.* Указ. соч.

зитивная общественная деятельность руководителей и сотрудников организации, привлекательное внешнее оформление помещений и вывесок и т.п.). По нашему мнению, в гражданско-правовом порядке доброе имя юридического лица должно защищаться по правилам защиты деловой репутации юридического лица (п. 11 ст. 152 ГК РФ).

*Гусарова М.А.,
канд. социолог. наук, доцент,
доцент кафедры общетеоретических
правовых дисциплин,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО «РГУП»
г. Краснодар;*

*Гулидова Н.В.,
канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры языкознания
и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО «РГУП»
г. Краснодар*

ЯЗЫК ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Проблема языка права является одной из тех, которые проходят «красной нитью» не только через всю историю теоретико-правового, теоретико-лингвистического знания, но относится к вопросам, волнующим, прежде всего практических работников юридической сферы и обычных людей, сталкивающихся в реальной жизнедеятельности с необходимостью постигать тексты нормативных актов, вступать в правоотношения, разрешать юридические конфликты. Особую актуальность данная проблема обретает в современном обществе в условиях усложняющегося и постоянно реформирующегося законодательства, усиления коммуникативных политико-правовых связей между государствами, активизацией глобализационных процессов, когда от человека и гражданина требуется не только знание, понимание, но и умение вступать в коммуникацию с другими субъектами на основе норм

действующего права. Что касается современного российского государства, то основные направления его развития, обусловленные задачами строительства правового государства и гражданского общества, предполагают развитость общественного правосознания и правовой культуры, невозможного без овладения языком права на соответствующем уровне.

Специально оговорим, что в контексте настоящего исследования мы базируемся на широком толковании понятия языка права как тождественного понятию «правовой язык», представляющего собой совокупность знаков и символов, служащих передаче и оформлению понятийного содержания права¹. В связи с этим в фокус исследования проблемы места языка права в социокультурной реальности неизбежно попадают и собственно филологические вопросы, касающиеся способов изложения правовых текстов, и теоретико–правовые проблемы правопонимания, и социально–правовые проблемы индивидуального правосознания и правовой культуры.

Обращаясь к теоретико-правовому аспекту проблемы правового языка в социокультурном пространстве, нельзя не упомянуть об отсутствии в правовой науке единства в понимании права как такового. Согласно меткому высказыванию В.В. Лапаевой, вся история развития правовой науки обусловлена противоборством различных типов правопонимания, то есть «различных подходов к пониманию того, что есть сущность права как специфического явления социальной жизни»². Речь идет о борьбе позитивистского и непозитивистского типов правопонимания, имеющих принципиально различные позиции по вопросам определения сущности права, его назначения и источников. А, следовательно, различие в подходах к определению данных феноменов приводят к различению источников тех смыслов, значения, языковых форм выражения, которые заключены в праве. В связи со сказанным, необходимо отметить, что попытка «очищения» правовой системы и языка права, в частности, от влияния культурных элемен-

¹ Данная научная позиция была изложена в труде известного польского лингвиста В. Врублевского¹, применившего интегративный подход к определению понятия «язык права» как тождественного понятию «правовой язык» (См.: *Wroblewski V. Język prawny i prawniczy*. – Krakow : PWN, 1948. – P. 244).

² Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика : монография. – М. : Изд-во «РАП», 2012. – С. 11.

тов, предпринятая позитивистом Г. Кельзенем и его последователем, неопозитивистом Г. Хартом, является весьма бесперспективной. Иллиминирование возникших в системе права под естественным воздействием культурно–исторических факторов приводит к «обнажению» богатого по форме и содержанию языка права до «обезличенных» по причине отсутствия аксиологических культурных оснований духовной культуры суммы правовых норм и санкций. В этом случае не только нивелируется факт корреляции феномена генезиса права с «хронотопом» культуры, исчезают характеристичные черты той или иной правовой системы, но и отрицается факт существования права, правовой культуры и правосознания как социокультурных феноменов¹.

Современный философ и правовед Марк ван Хук, представитель одного из направлений интегративного подхода, полагает, что невозможно искусственно создать такую правовую систему, которая бы вмещала в себя совокупность нейтральных норм и санкций, не подверженных влиянию внеправовых факторов, например, политической идеологии, морально-нравственных религиозных норм и ценностей, особенностей экономического развития того или иного государства и т.п. Ученый отмечает, что «на практике ни в одной правовой системе не предусмотрено правил для каждой возможной формы поведения человека. Главная причина заключается в том, что ни одна правовая система не стремится быть всеобъемлющей»². Иными словами, сам факт необходимости постоянного изменения правовой реальности вслед за социокультурной реальностью и ее условиями свидетельствует об изменчивости языка, соответствующего ей. Не случайно в современной научной литературе язык права или правовой язык рассматривается в качестве сложноструктурированного феномена, включающего и теоретический, и практический аспекты³. Данное обстоятельство, по нашему мнению, характеризует язык

¹ Гусарова М.А. Правосознание как социокультурный феномен : монография. – Майкоп : Изд-во «Маргарин О.Г.», 2017. – С. 259–270.

² Ван Хук М. Право как коммуникация; пер. с англ. – СПб. : Издат. дом СПб.ГУ, ООО «Университетский издательский консорциум». – 2012. – С. 78.

³ Ковкель Н.Ф. Основные элементы структуры правового языка // Вестник пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 4(22). – С. 44–51; Ланаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика : монография. – М. : Изд-во «РАП», 2012. – С. 161–163.

права как феномен, простирающийся за пределы юридического пространства.

Таким образом, язык права можно определить как часть языка культуры вообще, выступающей знаково-символическим способом бытия и выражения сущности правовых феноменов, и как таковая указывающая на их специфические характеристики в социокультурном пространстве. Благодаря специальному языку права правовая культура каждого общества приобретает черты уникального феномена даже при условии сходства заимствованных в ней институциональных элементов.

Современный ученый в области философско-правового знания и правовой герменевтики И.П. Малинова справедливо отмечает, что правовая реальность является своего рода текстом, «в котором уже имеются прямые смысловые артикуляции явлений правового характера (воплощенные в формулировках законов, в типичных мотивациях подчинения им или их нарушения и т.д.)»¹. Соглашаясь с данным высказыванием, подчеркнем, что социокультурная реальность и любой ее аспект, будь то политическая, экономическая, нравственно-этическая, правовая и иные сферы, является средоточием множественных смысловых континуумов, действующих одновременно на сознание отдельных индивидов и социальных групп. Не случайно, в процессе восприятия, толкования и интерпретации правового языка возникает проблема различных трактовок социальными субъектами одних и тех же фактов. Причина этого явления, по нашему мнению, кроется в сформированном на различных уровнях правовом сознании субъектов, а также в тех смыслах, которые они извлекают из доступного им языка. Малинова объясняет существование данного феномена расположением субъектов правоотношений «в разных смысловых полях», порождающим различные трактовки правовых текстов (законов, криминологических сводок, реального правового состояния общества, материалов суда и следствия и т.п.)². Этот автор подчеркивает, что правовой менталитет вбирает в себя правосознание в его особом качестве – «с точки зрения его ориентированности, избирательности, настроенности, тенденциозности, а

¹ Малинова И.П. Философия права и юридическая герменевтика: монография. – М. : Норма; Инфра-М., 2014. – С. 132.

² Малинова И.П. Указ.соч.. – С. 133.

также культурной специфики»¹. Иными словами, в правовом менталитете зарождаются смыслообразующие векторы, установки и направления развития правосознания, которое принимает свой завершённый образ под влиянием социокультурных условий. Именно последнее обуславливает возможность правовой коммуникации, обеспечивающей постижение социальными субъектами заложенных в правовых текстах смыслов.

Не вызывает сомнений тот факт, что правовой менталитет как совокупность правовых ценностей, смыслов, установок и способов мышления испытывает на себе влияние культурно-исторических, этно-национальных факторов, так и социальных, вызванных сиюминутными, преходящими потребностями социума. Последнее, по нашему мнению, определяет релятивизм оценок одних и тех же феноменов правовой реальности. Формирование, утверждение и закрепление в правовом языке определенных смыслов по тем же законам, каким подчиняются остальные социальные ценности (политические, религиозные, экономические, эстетические и др.). Так, в процессе культурного развития общества на первое место выводятся наиболее приемлемые в данный исторический период и для данной социальной системы ценности и нормы, поведенческие формы, а несостоятельные или не отвечающие насущным потребностям социума выводятся на периферию ментальности. Это приводит к тому, что даже наднациональные, надгосударственные ценности трактуются в контексте различных социокультурных миров по-разному. Отечественный ученый Е.Г. Ясин по этому поводу правильно отмечает, что центральная в современной российской правовой реальности идея демократического государства в российском правосознании трансформируется и приобретает особенный смысл. Для российского сознания демократическое государство – это, прежде всего, государство социальной справедливости². Иными словами, приобретенные ценности накладываются друг на друга, изменяя «поле влияния» под воздействием ментальных оснований.

При анализе вышеизложенных научных позиций невозможно не обратить внимание на современную проблему доступности

¹ Малинова И.П. Указ.соч. – С. 128–129.

² См.: Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России : монография. – М. : Новое издательство, 2006. – 387 с.

правового языка для «среднестатистического» гражданина. Поскольку представители профессионального юридического сообщества считаются обладателями сформированного на высоком уровне правосознания благодаря обучению в юридических вузах и на юридических факультетах¹, следовательно, остальные граждане не способны воспринимать во всей полноте специальный юридический язык, а, значит, на практике конституционно закрепленный принцип равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ) становится реализовать весьма затруднительно.

Безусловно, именно на законодателя сегодня ложится бремя социальной ответственности за способы (языковые формы) изложения правовых норм, отвечающие критериям ясности, однозначности, внутренней (смысловой) непротиворечивости. Вместе с тем и на гражданине лежит бремя ответственности за собственное самообразование. Выдающийся российский философ и правовед И.А. Ильин еще на рубеже XIX–XX вв. об этом писал следующее: «Необходимо все сделать, чтобы приблизить право к народу, чтобы укрепить массовое правосознание, чтобы народ понимал, знал и ценил законы, чтобы он добровольно соблюдал свои обязанности и запреты и лояльно пользовался своими полномочиями. Право должно стать фактором жизни, мерою реального поведения, силою народной души»². В данном высказывании речь идет о доступности правового языка для всех и каждого как о залоге формирования правосознания и правовой культуры на высоком уровне. Незнание, непонимание или искаженное понимание содержания права, неизбежно ведет к формированию «недугующего» (нездорового) правосознания, что является проблемой не только для самого индивида, но наносит вред всей системе «власть-подчинение». Ильин И.А. категорично заявлял: «Народ, не знающий законов своей страны, ведет неправовую жизнь или довольствуется самодельными и неустойчивыми зачатками права. Люди, не ведающие своих обязанностей, не в состоянии и блюсти их, не знают их пределов и бессильны против вымогательства «воеводы», ростовщика и грабителя; люди, не знающие своих полномочий, произвольно превышают их или же трусливо уступают силе; люди, не знающие своих запретностей,

¹ Баранов П.П. Актуальные проблемы теории правосознания, правовой культуры и правового воспитания : учебное пособие / П.П. Баранов, В.В. Русских. – Ростов н/Д. : Изд-во СКАГС, 1999. – С. 25–27.

² Ильин И.А. Учение о правосознании // Родина и мы: статьи. – Смоленск, 1995. – С. 263.

легко забывают всякий удерж и дисциплину или оказываются обреченными на правовую невменяемость. Незнание положительного права ведет неизбежно к произволу сильного и запутанности слабого. Мало того, оно делает невозможной жизнь в праве и по праву»¹. Иными словами, знание, понимание и правильное толкование норм позитивного права во-многом определяет качество правовой культуры личности и общества.

Как представляется, тот факт, что право является социокультурным феноменом, а правовые системы не повторяются во всей их полноте, свидетельствует о необходимости, во-первых, согласования правовых ценностей и норм с общезначимыми социокультурными ценностями и нормами, а, во-вторых, о целесообразности воспроизводства элементов национальной культуры в правовом языке. Применительно к российским культурно-историческим условиям, обусловленным тесным соседством и сотрудничеством с различными народностями и этносами, в правотворческом процессе необходима интеграция опыта российской культуры как евразийской державы. При этом к лингвистическим элементам западно-европейской правовой культуры следует относиться осторожно, проверяя их на предмет соответствия образцам российского правового мышления. Речь не идет о полном возврате к исконно русскому языку (что сделать невозможно по причине его исторической трансформации и несоответствия уровню развития современной юридической техники), однако «тяжеловесных» и не всегда понятных на уровне обыденного правосознания слов в содержании правового языка все же следует избегать. К таким формулировкам, например, можно отнести следующие: «наложить сервитут», «наложить эмбарго», «купить в лизинг» и т.п. Конечно, частично проблему сложности правового языка можно решить путем толкования норм права, правовой пропаганды и повышения уровня правовой грамотности населения. Однако быстрые темпы прогресса в современном обществе обуславливают опаздывающий, догоняющий характер данных мер. И лишь постоянный контроль со стороны государства за соблюдением требований общедоступности, ясности и логичности правового языка способен играть роль профилактических действий, направленных на обеспечение одного из важных условий

¹ Ильин И.А. Учение о правосознании // Родина и мы: статьи. – Смоленск, 1995. – С. 257.

высокого уровня правосознания – понимания и правильной интерпретации правовых норм.

Подводя итоги изложенному выше, отметим, что язык права как совокупность знаков и символов, служащих для передачи и оформления понятийного содержания права является сложно-структурированным феноменом. Формируясь под влиянием различных социокультурных факторов, язык права вбирает себя правоментальные, этнические, полико-идеологические и иные элементы культуры, которые в совокупности характеризуются как рационально-иррациональные. Последнее детерминирует факт полисемичности правовой реальности и, как следствие, различие в трактовках социальными субъектами одних и тех же правовых феноменов. Принимая во внимание сказанное, подчеркнем, что одним из важных требований современной правовой реальности является общеобязательность норм права для всех граждан, достигнуть которую можно при условии ясности, логичности, неоднозначности языка их изложения. Частично данная проблема может быть разрешена путем официального толкования норм права и действий государства, направленный на повышение уровня правовой культуры и грамотности населения. Однако не меньшую значимость в условиях построения правового государства в российском обществе имеют целенаправленные действия со стороны законотворческих органов, направленные на достижение доступности правового языка широким слоям населения.

*Иншакова Е.Г.,
канд. юрид. наук,
старший преподаватель кафедры теории
и истории права и государства,
Центральный филиал ФГБОУВО «РГУП»
г. Воронеж*

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Проводя в жизнь юридические нормы, подкрепляя их власть своей властью, индивидуальные предписания облада-

ют юридической силой и могут быть критерием правомерности поведения, иными словами – источником юридической энергии. И в таком качестве они не только выполняют правообеспечительную функцию: в них выражается индивидуальное поднормативное регулирование общественных отношений, которое в зависимости от конкретных экономических, социальных, политических и иных условий способно либо обогатить право, либо деформировать его¹. Кроме того, особое место в применении права должна занимать справедливость, требующая, чтобы «право не применялось без оглядки, в слепом равнодушии и без всякого снисхождения к человеческой слабости и невежеству. Она требует, наоборот, чтобы всюду, где только возможно, учитывались личные свойства субъектов и их намерения; чтобы всюду, где только право может выступить на поддержку морали и добрых нравов, применение нормы служило бы этой высшей цели; чтобы тот, кто применяет право, имел ввиду только одно – правое и верное решение и не поддавался никаким соображениям постороннего свойства: пристрастию, лицемерию или, тем более, корысти. Именно такое применение права приучает людей ценить его и уважать; оно созидает в стране правосудие и мудрое правление»².

Существует несколько точек зрения относительно определения эффективной правоприменительной деятельности и критериев такой эффективности. Небесспорным представляется мнение С.Б. Швецова который полагает, что под эффективной правоприменительной деятельностью понимается такая деятельность компетентных органов, при которой достигаются конкретные цели применяемой нормы. Следовательно, «определение эффективности правоприменительной деятельности должно осуществляться на основе такого критерия, как достижение юридических целей применяемой нормы, а отнюдь не социальных целей, так как последние слишком широки и всеобъемлющи, и достижение их происходит не одномоментно»³.

¹ Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. – М. : «Статут», 1999. – С. 365.

² Ильин И.А. Теория права и государства / под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М. : Издательство «Зерцало», 2003. – С. 113–114.

³ Швецов С.Б. Эффективность правоприменительной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004. – С. 11.

Другая точка зрения состоит в том, что правоприменение находится в тесной взаимосвязи с политическими, экономическими, идеологическими, организационными и иными факторами, и его результаты затрагивают множество социальных ценностей, выходящих за рамки юридических; методика эффективности данного вида деятельности должна строиться с учетом методов как правоведения, так и социологии¹. Эффективность правоприменительной деятельности выступает критерием качества исполнения работы и подлежит оценке путем сопоставления и анализа достигнутых результатов. Прежде всего, это обусловлено стремлением представить её в виде точной, количественно выраженной величины. И поскольку она основана на норме права, то главным фактором, влияющим на эффективность, является качество самой правовой нормы. Ввиду того, что она определена качеством правовой нормы, то соответственно существует прямая зависимость от свойств и состояний объекта, на который норма воздействуют. Таким образом, выявить реальную эффективность правоприменения можно будет лишь в том случае, когда исследование охватит не только саму норму, но и социальные условия ее функционирования. Существуют и иные мнения по данному вопросу².

Среди критериев эффективности правоприменения автором выделены стабильность и гибкость системы правоприменения, непротиворечивость данного вида деятельности, а к основным показателям эффективности правоприменительного решения относятся степень единообразия правоприменительной деятельности; направленность мотивации в ходе правоприменительной деятельности; уровень законности и правопорядка в обществе; уровень соблюдения административных процедур; уровень соблюдения формально-технических требований.

¹ Гильмутдинова М.И. Теоретические основы эффективного правоприменения : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2012. – С. 7–9

² См., например: *Веркиенко Л.В.* Применение права органами исполнительной власти Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук, М., 2002; *Сиринько В.А.* Правоприменительная деятельность органов исполнительной власти: современные проблемы эффективности и совершенствования законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук, – Воронеж, 2004; *Хусаинова О.В.* Правоприменительная деятельность органов государственной власти: оценка эффективности, основные направления совершенствования : теоретико-правовой аспект: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2009; *Яловенко Т.В.* Правоприменительная деятельность в правозащитной системе современного государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук, – Саратов, 2015.

На эффективность применения права могут оказывать влияние особенности юридического мышления, уровень правосознания и правовой культуры, а также иные факторы. Для эффективного осуществления правоприменительной деятельности необходимо развитое юридическое мышление и сформированное профессиональное правосознание. В связи с этим актуальной проблемой становится повышение уровня правовой культуры и правосознания правоприменителей¹. Среди направлений повышения эффективности данного вида деятельности можно выделить и совершенствование юридической техники, посредством применения основных технико-юридических средств которой достигается оптимизация процесса вынесения правоприменительного решения.

Следует отметить, что эффективность правоприменения зависит не только от достигнутых юридических результатов, но и от адекватности правотворческой деятельности. Однако правовая неопределенность в сфере действия права не менее опасна с социальной точки зрения. Перенести правотворческую неопределенность для гражданина легче. Здесь действует принцип «обещанного долго ждут...». А вот ситуация, когда и право есть, и ожидаемость «правовой предсказуемости» высока, но решения нет – худшая. Особенно губительна для человека такая ситуация в случаях ожидания судебных решений².

По информации Конституционного суда Российской Федерации, допускаемые законодателем отступления от принципа правовой определенности, неточность используемых в законах понятий и терминов, очевидная избыточность юридико-технической эксплуатации относительно определенных категорий подрывают единство правоприменения. От точности понятий, которые использует законодатель, не в последнюю очередь зависит адекватное понимание, интерпретация и реализация законодательного акта в конституционном смысле. Между тем многие законы нуждаются в конкретизации, детализации, а иногда и в коренном обновлении используемых в них понятий. В то же время одной из причин неопределенности регулирования яв-

¹ Лазарев В.В. Проблемы общей теории *jus* : учебник для магистрантов юридических вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень, А.Х. Саидов; Отв. ред. В.В. Лазарев. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – С. 386.

² Власенко Н.А. Проблемы правовой неопределенности : курс лекций. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2016. – С. 166.

ляются дефекты темпоральности, нарушающие принципы действия правовых норм во времени (например, введение правоограничительных мер без установления срока их действия либо бессрочно). Например, к существенным дефектам принадлежит неопределенность возлагаемых на субъектов правоотношений обязанностей (имеющая место нередко в сочетании с неопределенностью распределения между ними ответственности). Допуская противоречивое истолкование и произвольное применение соответствующих норм, подобные изъяны ослабляют нормативную упорядоченность значимых с точки зрения поддержания конституционной законности общественных отношений и их отдельных компонентов.

Неопределенность содержания правовой нормы, допуская возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения, может приводить к произволу, а значит, к нарушению не только принципов равенства и верховенства закона, но и установленных гарантий государственной, включая судебную, защиты прав, свобод и законных интересов граждан¹.

*Каранетян Л.А.,
д-р ист. наук, профессор,
профессор кафедры
общетеоретических правовых дисциплин,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО «РГУП»
г. Краснодар*

ПРОБЛЕМА СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

В пореформенной России интенсивно развивалась юридическая мысль, которая особых успехов достигла на рубеже XIX–XX вв. В методологии правопонимания выделялись ряд на-

¹ Информация Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г. «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г.). – URL : <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71340906/> (дата обращения 04.06.2018).

правлений. Позитивистская теория права была представлена школой юридического (С.В. Пахман, Г.Ф. Шершеневич и др.) и социологического (С.А. Муромцев, М.М. Ковалевский, Н.М. Коркунов) позитивизма. У истоков психологического учения о праве стоял Л.И. Петражицкий. Школа возрожденного естественного права была представлена П.И. Новгородцевым, Е.Н. Трубецким. Развивалась концепция синтетического (интегративного) правового понимания (В.С. Соловьев, А.С. Яценко, П.Г. Виноградов, Б.А. Кистяковский). Принадлежность к той или иной школе сказывалась на воззрениях ученого по исследуемой проблеме, занимавшая важное место в теоретическом наследии дореволюционных ученых. Исследуемая проблема являлась сложной и полемичной в рассматриваемое время. Таковой остается и на современном этапе. Отсюда знание наследия прошлого имеет не только научное, но и прикладное значение. Эта многогранная дискуссионная проблема включает в себя в частности такие взаимосвязанные вопросы, как понятие судебной практики и ее правовой статус, возможность существования судебной практики в России, место судебной практики в системе источников права и ее соотношение с правовым обычаем, социально-правовая роль судебной практики. Единства ученых здесь не наблюдалось. Из отмеченных вопросов особое внимание обращаю и предлагаю на обсуждение конференции, прежде всего, наличие судебной практики в пореформенной России и ее место в системе источников права сквозь призму других отмеченных аспектов проблемы.

Так, Л.И. Петражицкий, говоря о судебной практике, отмечал, что она учеными никогда не понималась одинаково. По его мнению, это «общее, продолжительное, однообразное применение известной нормы права судами данной правовой области»¹.

Ф.В. Тарановский акцентировал внимание на том, что судебная практика наряду с юридическим обычаем является древнейшим источником права². Г.Ф. Шершеневич, соотнося судебную практику с правовым обычаем, рассматривал его, как правила, сложившиеся в общественной среде и лишь констатирован-

¹ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб., 1907. – Т. 1. – С. 567–569.

² Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев. – 1917. – С. 191.

ных судом¹. Н.М. Коркунов являлся сторонником расширительного понимания судебной практики. Указывая на общие черты, он выделил ее следующие отличительные особенности:

1) юридические нормы судебной практики выражены не в общей форме, а применительно к отдельным, частным формам;

2) отсутствие в нем определенности действия норм во времени;

3) создание судебной практики учреждением, а не обществом или отдельным общественным классом;

4) аутентическая форма выражения судебной практики через подлинные судебные решения;

5) наличие у судебной практики волевого «сознательного» характера. Содержание каждого отдельного судебного решения вырабатывается вполне сознательно именно ради юридического нормирования отношений;

6) возникновение судебной практики в письменной форме.

В итоге он делает вывод о существенных особенностях судебной практики и невозможности ее отождествления с обычаем². Дискуссии, которые шли в тот период относительно понятия, содержания и признаков судебной практики во многом сохраняются и сегодня.

Аналогично обстоит дело и с решением вопросов, касающихся существования в условиях российской правовой действительности самого института судебной практики. Отечественные авторы досоветской России о возможности существования и использования судебной практики в качестве источника права говорили лишь в отношении пореформенной России. До проведения судебной реформы 1864 г. об этом не могло быть и речи. После проведения судебной реформы, когда были приняты известные Уставы гражданского, уголовного судопроизводства ситуация несколько изменилась. Хотя, конечно, речь не шла о законодательном признании судебной практики в качестве самостоятельного источника права или же о радикальном изменении отношения к ней со стороны официальных властей. Здесь все оставалось по-прежнему.

¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – Вып. 2-4. – М., 1995. – Т. 2. – С. 88.

² Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. (По изд. 1914 г.). – СПб., 2004. – С. 357–359.

Реформы судебной системы и законодательства послужили основанием для признания отдельными учеными судебной практики с определенными оговорками в качестве одного из источников права. Так, Н.М. Коркунов, говоря об общих чертах судебной практики и обычая, все же отмечал: «Нет никакого сомнения, что суд должен судить по закону или обычаю, а не по своему усмотрению, но этим отнюдь не исключается творческое значение судебной практики. Как издание обыкновенных законов или правительственных указов по необходимости имеет творческое значение, так и деятельность судов по самому своему существу не может быть чужда творческому элементу»¹. Далее он замечал, что творческий характер деятельности суда связан и с противоречивостью, неполнотой законодательства. Подводя итог своим рассуждениям в параграфе «Судебная практика», он подчеркивал: «Признавая судебную практику самостоятельным источником права, следует оговориться, что это не следует понимать так, чтобы раз принятое судом решение какого-нибудь спорного вопроса, безусловно, связывало суд на будущее время. Судебная практика не может быть обречена на неподвижность и застой. Но с другой стороны, постоянство судебной практики и обуславливаемая им определенность юридических отношений представляет, конечно, важное значение. Одно из первых условий правосудия, это, чтобы законы применялись ко всем одинаково. А это невозможно без однообразной, устойчивой судебной практики. Нужны весьма серьезные и веские основания, чтобы склонить суд к изменению установившейся в нем практики. Поэтому все вероятие за то, что раз принятое судом начало будет поддерживаться им в последующих решениях»². С.В. Пахман так же писал, что «с принятием судебных уставов 1864 г., сначала наметились, а затем достаточно четко обозначилась продолжающаяся по сей день тенденция практического «освоения» российским судом, наряду с его традиционными функциями правоприменителя и толкователя права, так же функции весьма близкие к основному направлению деятельности российского правотворца, к функции создателя новых правовых норм»³. Правопонимание С.А. Муромцева как жи-

¹ Коркунов Н.М. Указ. соч. – С. 359.

² Коркунов Н.М. Указ. соч. – С. 360–361.

³ Цит. по *Марченко М.Н.* Судебное правотворчество и судейское право – М., 2008. – С. 376.

вого правопорядка привело его к утверждению о том, что не законодателью, а суду и администрации предназначена роль действительных творцов правовых норм¹.

Близкой к указанной была позиция Б.А. Кистяковского. Судебной практике он придавал большое значение в познании права. Судейскому толкованию и применению отводилась важная роль в преобразовании положительного закона, который не отождествлялся с правом. Отсюда и отличие правопорядка, выраженного в нормах закона и правопорядка в жизни. Научное познание последнего позволит, по его мнению, законодателью принимать эффективные законы, а это даст судьям и должностным лицам возможность принимать справедливые решения. Этого пока нет, поскольку законодательство позволяет множество различных толкований, в нем имеются пробелы, неясности и противоречия. Но и юристу практику наряду со знанием законов необходимо научное изучение правовой жизни для справедливого применения действующего права. Т.е. речь идет о том, что правовая практика через механизм обратной связи обуславливает правообразование и содержание правового регулирования².

Основными аргументами в пользу тезиса о существовании судебной практики как источника российского права в пореформенный период являлись ссылки на разъяснения кассационных департаментов Сената по уголовным и гражданским делам и статьи 12 и 13 Устава уголовного судопроизводства и статья 10 Устава гражданского судопроизводства. Эти статьи давали судам право решать все дела на основании существующих законов и в случае неполноты, неясности, недостатка и противоречия законов. Т.е. речь идет о судебском усмотрении с применением аналогии. Л.И. Петражицкий считал, что это требование можно выполнить только при свободном толковании законов, которое неизбежно влекло за собой творческое значение судебной практики и как следствие – «возведение ее в источник права»³. Но в отли-

¹ История политических и правовых учений / Под ред. О.В. Мартышина – М., 2006. – С. 707.

² Карапетян Л.А. Концепция взаимной обусловленности правопонимания и правоприменения в контексте синтетической методологии Б.А. Кистяковского на рубеже XIX-XX вв.: к постановке проблемы // Правоприменительная деятельность в России: история и современность. – Краснодар, 2017. – С. 35.

³ Коркунов Н.М. Указ. соч. – С. 374.

чие от Н.М. Коркунова и С.А. Муромцева, фактически признававшие самостоятельную роль судебной практики, Л.И. Петражицкий, ссылаясь на «невыясненность в современной юриспруденции вопроса о том, что такое «право судебной практики», исходил из того, что «и в случае свободнейшего толкования законов и весьма обширного творчества в этом направлении со стороны судебной практики, о существовании особого вида позитивного права, отличного от законного права, судебной практики не может быть и речи, поскольку дело идет именно о толковании законов, как таковом, о ссылках для обоснования прав и обязанностей на (свободно или несвободно) толкуемые законы. Он заключал, что судебная практика не есть особый, самостоятельный вид права или вид обычного права¹.

Аналогичную позицию, в сущности, занимал и Е.В. Васьковский. Он не был согласен с учеными, рассматривавшими на основании ст. 815 Устава гражданского судопроизводства, требовавшего публикации решений для руководства, судебную практику как вспомогательный источник права. Его аргументация сводилась к следующему:

1) данная норма не имела императивного характера, а значит и не определяла юридических последствий для не придерживавшихся разъяснений Сената;

2) объявить сенатские разъяснения обязательными для всех судов, по отношению ко всем сходным и однородным делам, значило бы придать им характер общих юридических норм – пояснительных законов, означавшего наделение Сената в известных пределах законодательной властью².

Эта аргументация находится в рамках новой редакции Основных Государственных законов от 23 апреля 1906 г., утвердившей изменения в государственном механизме России и означавших переход от абсолютной к дуалистической монархии. В главе «Степень и пространство власти Правительствующего Сената» (ст. 197–220) определялось его главное значение, как высшего института, надзирающего за осуществлением правосудия и подконтрольного только Императору. Согласно ст.201 (по Продолжению 1906 г.) «Сенат не приступает к решению таких дел, на

¹ Петражицкий Л.И. Указ. соч. – С. 567, 631.

² Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. (По изд.1917 г.). – М., 2003. – С. 15–16.

которые не окажется точного закона, но о всяком случае (казусе), требующим издания новых или дополнения, либо перемены существующих узаконений, составляет проект разрешения, и все дело, по ст. 173 (по Продолжению 1906 г.) вносится через министра юстиции, с его заключением, на разрешение в законодательном порядке». В соответствии со ст. 202, касающейся противоречивых и неясных норм, изданных до учреждения законодательного органа, Сенат на основаниях, указанных в ст. 201. обращается к Верховной власти (Императору – Л.К.) с представлением об изменении, за которой оставалось окончательное решение. При этом в примечании статьи подчеркивалось, что «никто да не осмелится входить с представлениями об изъятии из существующих законов и правил»¹. Т.е. обращение в законодательный орган и к Императору свидетельствуют, как о праве законодательной инициативы, так и о опосредованном пути влияния на правовую систему страны. Вместе с тем возникает вопрос, как требования указанных статей соотносятся с положениями о запрете останавливать решение дел, в том числе и кассационным департаментам Сената, под предлогом неполноты, неясности, недостатка или противоречия законов. В таком случае Сенат выступает как авторитетный толкователь законов, а в случае отсутствия нормы решает дело по аналогии закона и права. Основываясь на этих обстоятельствах, авторы труда «Правящая Россия» отмечали, что Сенат нередко создает своими решениями новые нормы права, дает действующим законам ограничительное или распространительное толкование, и тем самым, не, будучи признанными законодателем, фактически является таковым².

В отличие от противоположных воззрений относительно проблемы судебной практики как источника права имелись и подходы промежуточного характера. Суть их сводилась, с одной стороны, к признанию важности и нужности судебной практики как самостоятельного источника права для восполнения пробелов в праве, а также необходимости предоставления судам права создавать «по своему усмотрению и разрешению» недостающие правовые нормы с целью разрешения непредусмотренных в законе случаев справедливости». А с другой стороны, выражалось опасение по поводу того, что объективно одинаковых для всех критериев справедливости не существует, а принципы права вообще

¹ Свод законов. – СПб., 1912. – Т. 1. – С. 132.

² Правящая Россия. – СПб., 1904. – С. 12.

и естественного права в частности, являются спорными, а это может привести к бесконтрольному судебскому усмотрению. По мнению И.В. Михайловского, трудность заключалась в поиске критерия, позволяющего избежать судебного произвола и возможность отличить от последнего правомерную юридическую норму¹.

Таким образом, мнение ученых о месте судебной практики как источника среди других источников права можно свести к следующим направлениям. Одни считают судебную практику особым видом позитивного права наравне с законами и обычным правом. Другие, не отрицая значения судебной практики как источника права, подводят ее под обычное право и считают его видом. Третьи отрицают значение судебной практики как источника права и видят задачу судов только в применении права.

По-разному оценивали ученые и социально- правовую роль и значимость судебной практики. Ряд авторов видели в нормах судебной практики роль регулятора общественных отношений. Некоторые акцентировали внимание на том, что судебная практика в сочетании с действующими нормативными правовыми актами и правовыми обычаями помогала обнаружить и заполнить правовые пробелы. Было и течение, которое исходило из того, что она способствует созданию устойчивого правосудия, а значит и укреплению правопорядка.

Итак, исходя из вышеизложенного отметим, что проблема была дискуссионной. Н.М. Коркунов, С.В. Пахман, С.А. Муромцев, Б.А. Кистяковский с некоторыми оговорками признавали судебную практику источником права. Противоположную точку зрения отстаивал Л.И. Петражицкий. Были и представители промежуточных воззрений. Официальная же доктрина исходила из того, что функцией суда является применение закона. Т.е. даже в условиях дуалистической монархии суд по отношению к субъектам законодательства не имел права проверки конституционности закона. Правительствующий Сенат контролировал лишь внешнюю, формальную конституционность, связанную с обнародованием законов.

Дискуссии о роли и значении судебной практики, признания судебного прецедента источником права продолжаются и в правовой мысли современной России.

¹ Марченко М.Н. Источники права. – М., 2005. – С. 369.

Ковалева В.В.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры общетеоретических
правовых дисциплин,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО «РГУП»
г. Краснодар

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА

Эффективность правоприменения зависит от многих причин, и, прежде всего, от динамики новых общественных отношений, с одной стороны, и, качества законодательства, с другой. И в первом и во втором случае может возникнуть ситуация неопределенности в правовом регулировании. В связи с этим небезынтересным представляется исследование неопределенности права в контексте осуществления правоприменительной деятельности.

Прежде всего, необходимо ответить на вопрос о соотношении понятий «правовая неопределенность» и «неопределенность права». На это обращает внимание профессор В.В. Ершов, который пишет: «В случае применения понятия «определенности права» считаю теоретически спорным использование понятия «правовая неопределенность». Думаю, теоретически обоснованным являются две парные правовые категории – «определенность права» и «неопределенность права», а не «правовая неопределенность»¹.

Необходимо подчеркнуть, что словосочетание «правовая неопределенность» действительно является настолько широким, что им можно охватить и проблему понимания права.

В свою очередь анализ курса лекций профессора Н.А. Власенко, посвященных вопросам неопределенности в праве, позволяет сделать вывод о синонимичности данных понятий².

Рассуждая о соотношении указанных понятий, мы пришли к такому выводу. Неопределенность права можно рассматривать с двух сторон (аспектов). Концептуальной и формально-юридической.

¹ Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений : монография. – М., 2018. – С. 362.

² Власенко Н.А. Проблемы правовой неопределенности: курс лекций. – М., 2016.

С концептуальной (содержательной) стороны мы рассматриваем неопределенность, когда по объективной причине – возникновение новых общественных отношений появляются пробелы в правовом регулировании. Например, как регулировать отношения, связанные с эмбрионом *in vitro*? Как отмечается в юридической литературе, отставание в сфере правового регулирования вспомогательных репродуктивных технологий стало чрезмерным и, несмотря на обширную практику названных технологий на законодательном уровне до настоящего времени не решен даже вопрос о том, что представляет эмбрион *in vitro* – объект или субъект права¹.

Другой пример, правовое регулирование краудфандинговых платформ, исследуя данную проблему, А.В. Кузнецов пишет, что краудфандинг – это финансирование различных проектов неопределенным кругом лиц, которое осуществляется преимущественно посредством сети Интернет. При этом автор подчеркивает, что Центральный Банк Российской Федерации занимается разработкой концепции (курсив наш – В.К.) регулирования краудфандинга в России².

В указанных выше случаях, на наш взгляд, имеет место «правовая неопределенность» в том смысле, что неопределенной является, во-первых, необходимость правового регулирования как такового, во-вторых, степень и пределы регулирования.

В свою очередь формально-юридическая сторона неопределенности, имеет место в позитивном праве, как ввиду абстрактности правовых норм и, наличием ситуационных понятий, более того, наличие правотворческих ошибок, приводит к коллизиям в правовом регулировании³. В данном случае полагаем более уместным использование понятие «неопределенность в праве».

Эффективность правоприменения, в первую очередь, судебного, зависит от того какая сторона неопределенности концепту-

¹ Дружинина Ю.Ф. Правовой режим эмбриона *in vitro* // Журнал российского права. – 2017. – № 12. – С. 129.

² Кузнецов А.В. Правовое регулирование краудфандинговых платформ // Перспективы развития юридической науки, практики и образования в Азиатско-Тихоокеанском регионе: III Тихоокеанский юридический форум, посвященный празднованию 59-летия непрерывного юридического образования в Дальневосточном федеральном университете и 98-летию юридического образования на Дальнем Востоке России, 20–21, 29 сентября 2017 года: материалы. – Владивосток, 2018. – С. 111–116.

³ См. подробно, *Н.А. Власенко*. Указ. соч.

альная или формально-юридическая имеет место. При концептуальной (содержательной) правовой неопределенности результатом правоприменения является создание новой нормы права, которая будет действовать, пока законодатель соответствующим образом не урегулирует данный вид новых отношений. При формально-юридической неопределенности в позитивном праве, правоприменитель наделяется дискреционными полномочиями (усмотрению), как подчеркивает профессор В.В. Ершов: «...является дискуссионным применением понятия «усмотрение» вместо правовой категории «индивидуальное регулирование общественных отношений»¹.

Далее остановимся на одном из средств, детерминирующих неопределенность в праве, таком как оценочные понятия, под ними в юридической литературе понимаются выраженные в нормах права положения, в которых закрепляются наиболее существенные признаки явлений, неразъясняемые законодателем с тем, чтобы они конкретизировались путем оценки в процессе применения права для его целесообразного использования².

Следует подчеркнуть, что существование оценочных понятий объективно, так как в рамках абстрактной нормы у правоприменителя должна быть возможность так урегулировать отношения, чтобы решение было справедливым.

В качестве примера позитивного значения правовой неопределенности, необходимой для обеспечения реализации прав человека, можно привести оценочные понятия в семейном праве. Так в соответствии с ч. 1 ст. 22 расторжение брака в судебном порядке производится, если судом установлено, что дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи невозможны (курсив наш – В.К.); или в ч. 3 ст. 31 установлено, что супруги обязаны строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи, содействовать благополучию и укреплению семьи, заботиться о благосостоянии и развитии своих детей; или в ч. 2 ст. 36 зафиксировано, что вещи индивидуального пользова-

¹ Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений : монография. – М., 2018. – С. 33, 98, 114, 128.

² Фабрика И.В. Оценочные понятия в правоприменении: история правовой эволюции // Нормативное и индивидуальное в правовом регулировании: вопросы теории и практики : Материалы VII международной научно-практической конференции. – М., 2013. – С. 193.

ния (одежда, обувь и другие), за исключением драгоценностей и других предметов роскоши, хотя и приобретенные в период брака за счет общих средств супругов, признаются собственностью того супруга, который ими пользовался; в ч. 2 ст. 39 определено, что суд вправе отступить от начала равенства долей супругов в их общем имуществе исходя из интересов несовершеннолетних детей и (или) исходя из заслуживающего внимания интереса одного из супругов, в частности, в случаях, если другой супруг не получал доходов по неуважительным причинам или расходовал общее имущество супругов в ущерб интересам семьи. Данные законодательные положения ярко характеризует многогранность семейных отношений, определить конкретное содержание которых вне определенной ситуации, вряд ли возможно¹.

В заключении, необходимо подчеркнуть, что там, где право непосредственно соприкасается с моралью, неопределенность в праве необходимое средство обеспечения прав человека, которое позволяет воплотиться в жизнь принципу социальной справедливости. Существование двух универсальных регуляторов – права и морали, основанных на разных критериях оценки поведения, обуславливают положительный характер существования неопределенности, но только в том случае, если ее причина объективна. Там, где неопределенность в праве обусловлена субъективными факторами (правотворческая ошибка), снижает эффективность применения права.

Таким образом, неопределенность в праве, безусловно, влияет на эффективность применения правовых норм. В условиях пробелов, коллизий, факультативных и альтернативных норм, оценочных понятий от правоприменителя требуется особые знания, опыт, профессиональные и личные качества, от которых зависит конкретное решение по делу. В такой ситуации процесс применения права становится не просто ремеслом, а искусством добра и справедливости, вследствие этого правоприменение достигает поставленных целей и является, бесспорно, эффективным.

¹ Ковалева В.В. Правовая неопределенность как средство обеспечения прав человека // Материалы научно-практической конференции : в 4-х частях. Материалы VI юридической недели, Материалы XI Международной конференции (Кутафинские чтения) МГЮА им. О.Е. Кутафина и XVII Ежегодной международной научно-практической конференции юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова «Обеспечение прав и свобод в современном мире», Москва, 22 ноября 3 декабря 2016 г. – М., 2017. – С. 58–61.

Кожушко С.В.,
преподаватель кафедры
административного и финансового права,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО РГУП
г. Краснодар

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПРИНЦИПОВ БЮДЖЕТНОГО ПРАВА

Принципы бюджетного права представляют собой многокомпонентное явление, а их сложная правовая природа обуславливает обращение к концепциям, сформулированным в теории бюджетного права, философии, социологии и психологии права¹. В рамках заявленной темы мы остановимся на теоретическом аспекте с философским элементом.

В бюджетном праве, являющемся подотраслью² финансового права, нет единого подхода к пониманию понятия «принцип бюджетного права», поскольку далеко не все ученые говорят о принципах бюджетного права вообще. В работах по бюджетному праву преимущественно выделяют принципы бюджетной системы (поскольку они закреплены в 5 гл. БК РФ), принципы функционирования бюджетной системы³, принципы бюджетного строительства⁴, принципы бюджетного процесса⁵, принципы по-

¹ Титова Е.В. Конституционно-правомерное поведение как объект научного исследования // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 1. – С. 9–16.

² Комягин Д.Л. Система принципов бюджетного права: российское законодательство и научная доктрина // Реформы и право. 2012. № 4. С. 19; Пилипенко А.А. Принципы финансового права России и их нормативное закрепление: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.04. М. 2013; Поветкина Н.А. Концепция правового обеспечения финансовой устойчивости Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. № 8; Селюков А.Д. Принцип системности в бюджетном праве // Финансовое право. 2012. № 6. С. 19–23.

³ Селезнев А.З. Бюджетная система в механизме макрорегулирования экономики и социальной сферы : учеб. пос. / А.З. Селезнев, Л.Г. Чередниченко // ФГБУ ВПО «РЭУ им. Плеханова». – М., 2013. – С.27.

⁴ Комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.Н. Козырина. – М. 2002.

⁵ Парыгина В.А. Бюджетное право и процесс : учебник / В.А. Парыгина, А.А. Тедеев. – М. 2005. – С. 124–125.

строения бюджетного устройства¹, принципы бюджетной деятельности, принципы межбюджетных отношений², принципы разграничения расходных полномочий и доходных источников между публично-правовыми образованиями³ и лишь некоторые выделяют принципы собственно бюджетного права.

Теоретики в области бюджетного права принципы бюджетного права определяли как: «руководящие (основополагающие⁴) начала⁵ (идеи⁶)»⁷, «система целевых установок»⁸, «нормы-принципы»⁹, «обязательные и закрепленные в законодательстве правила функционирования бюджетной системы»¹⁰, «правила составления и исполнения бюджета»¹¹, «правила формирования бюджета государства»¹² т.д. Надо сказать, что подавляющее большинство подобных подходов к пониманию принципов бюд-

¹ Годин А.М. Бюджетная система Российской Федерации : учебник. – 7-е изд., перераб и доп. / А.М. Годин, В.П. Горегляд, И.В. Подоприна // Издательско-торговая корпорация «Дашков и К». – М. 2009. – С. 36 .

² Бочкарева Е.А. Финансовая помощь субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям: вопросы теории и правового регулирования. – Краснодар, 2007. – С. 32.

³ Бочкарева Е.А. Финансовая помощь субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям: вопросы теории и правового регулирования. – Краснодар, 2007. – С. 124–125.

⁴ Пузакова Е.Н. О соотношении некоторых принципов бюджетного права и бюджетной системы РФ: теоретические и практические проблемы : сборник научных трудов, посвященный 80-летию д.ю.н., профессора, академика МАН ВШ Н.И. Химичевой // ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». – Саратов, 2009. – С. 118; Яковлев Д.И. Проблемы правового регулирования казначейского исполнения бюджетов в РФ / Под. Ред. Е.В. Покачаловой // ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». – Саратов, 2009. – С. 18.

⁵ Крохина Ю.А. Бюджетное право и российский федерализм. – М., 2001. – С.169.

⁶ Тулупова М.В. Публичные финансы Российской Федерации: новые подходы к правовому регулированию / Под ред. А.Н. Козырина // Центр публично-правовых исследований. – М. : ЦППИ, 2007. – С. 177.

⁷ Сайфуллин И.Ф. Особенности нормативного закрепления принципов бюджетного права в российском законодательстве // Финансовое право. – 2017. – № 5. – С. 43.

⁸ Годин А. М., Горегляд В. П., Подпорина И. В. Бюджетная система Российской Федерации : учебник. – 7-е изд., перераб. и доп. // ИКТ «Дашков и К». – М., 2009. – С. 44.

⁹ Крохина Ю.А. Системообразующие категории бюджетного права // Правоведение. – 2002. – № 5. – С. 65.

¹⁰ Шуляк П.Н. Финансы. – 3-е изд., испр. и доп. / П.Н. Шуляк, Н.П. Белотелова. – М. : Дашков и К, 2002. – С. 140–141.

¹¹ Мюллер Р. Государственное финансовое хозяйство в Германии. Учебные тексты для поддержки сотрудничества государственных администраций : сборник 3./ Р. Мюллер, Х. Райтер. – М. : Трансформ, 1996. – С. 34.

¹² Подъяблонская Л.М. Государственные и муниципальные финансы. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – С. 174.

жетного права строятся на основании исследования уже закрепленных в законодательстве принципов бюджетной системы. Если исходить, например, из понятия принципов бюджетного права, обоснованного Х.В. Пешковой, на которую ссылаются большинство авторов трудов в области бюджетного права, то принципы бюджетного права – это присущие бюджетному праву как подотрасли финансового права и соответствующие особенностям его предмета правового регулирования основополагающие начала, имеющие общеобязательный характер и отраженные в правовых нормах либо вытекающие из анализа их содержания¹.

Как мы видим, большинство ученых в бюджетном праве дефиницию «принципы бюджетного права» чаще всего рассматривают через призму позитивного понимания права. Следовательно, из вышеизложенного можно усмотреть доктринальный пробел при определении дефиниции принципов бюджетного права, который образуется под «куполом» позитивизма.

Тем не менее, все чаще встречаются работы авторов, признающих существование принципов в бюджетном праве, не требующих пока своего закрепления в законе, но являющихся принципами, входящими в данную отрасль права, и обеспечивающих бюджетно-правовое регулирование, объясняющих устройство бюджетной системы².

Представляется возможным согласиться с мнениями авторов, которые считают, что принципы права не могут отождествляться только и исключительно с нормами права: ими являются положения как законодательно закрепленные, так и определяемые путем научного осмысления и анализа содержания правовой нормы³. Вместе с тем, Е.М. Андреева в своей работе обоснованно пишет, что не выраженные в законодательных нормах принципы бюджетного права часто применяются опосредованно⁴.

¹ Пешкова Х.В. Принципы бюджетного права и бюджетное устройство России // Финансовое право. – 2010. – № 11. – С. 5–8.

² Сайфуллин И.Ф. О системе принципов бюджетного права // Финансовое право. – 2017. – № 2. – С. 36–42.

³ *Бит-Шабо И.В.* Финансово-правовое регулирование функционирования государственных внебюджетных фондов : монография. – С. 24. *Ершов В.В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории. – С. 12.

⁴ Андреева Е.М. Влияние принципов бюджетного права на отношения по финансовому обеспечению делегированных полномочий // Юридический мир. – 2016. – № 9. – С. 20–23.

Этот вывод наталкивает на размышление о том, что причина такого положения вещей может крыться в неопределенности принципов бюджетного права, отсутствии системы и иерархии таких принципов, отсутствии единого подхода к пониманию принципов бюджетного права и принципов его институтов, принципов бюджетного права и принципов бюджетного законодательства¹, излишнего расширения количества принципов бюджетного права, основанных на субъективных взглядах², «размытых» к тому же неправом.

В дополнение к уже изложенному, подчеркнем – какое бы ни было дано определение принципам бюджетного права, они всегда должны отражать системные связи форм (собственно право) права. Об использовании метода системности, при исследовании бюджетных правоотношений и бюджетного права вообще, говорил А.Д. Селюков. Он отмечал, что в случае игнорирования метода системности при изучении бюджетного права результаты всего исследования могут быть искажены³. Упоминание о системном подходе к изучению принципов бюджетного права присутствует в работе И.Ф. Сайфуллина⁴.

Кроме того, в теории права есть научно-обоснованное мнение, что «...принципы права – основания всеобщей связи системы форм права...», где система форм права – «состоит из двух подсистем – национального и международного права, образованных составляющими их элементами – соответствующими формами внутригосударственного и международного права, и характеризуется целостностью, устойчивой структурой, взаимосвязью и взаимозависимостью составляющих ее однородных элементов⁵.

Основываясь на сказанном, допускаем возможным следующую рамочную формулировку: «Принципы бюджетного права» - это средства бюджетно-правового регулирования, соответствующие особенностям предмета бюджетного права, присущие ему

¹ Калинин П.А. Принципы российского законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2013. – С. 30.

² Худяков А.И. Основы налогообложения / А.И. Худяков, М.Н. Бродский, Г.М. Бродский. – СПб. 2002. – С. 123.

³ Селюков А.Д. Принцип системности в бюджетном праве // Финансовое право. – 2012. – № 6. – С. 19–23; С. 19.

⁴ Сайфуллин И.Ф. О системе принципов ... – С. 36.

⁵ Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений : монография. – М. : РГУП, 2018. – С. 260; 310.

как подотрасли финансового права, образующие системные связи элементов (форм) права.

Заметим, что на сегодняшний день набирает обороты актуальность установление соотношений писаных, доктринальных, судебно-прецедентных, парламентско-прецедентных, конвенциональных и других источников. Системный анализ указанных явлений, который, к тому же, не будет игнорировать иные подходы к пониманию права, позволит России наряду с другими странами встать на дорогу «...исправления ошибок чисто аналитической (рассудочной) юриспруденции...»¹. Произойдет отступление от узкопрофессионального юридического подхода к принципам бюджетного права и осмыслению их природы в связи со спецификой объективной реальности в связке общество - государство.

Комарова Л.В.,

*д-р филос. наук, канд. юрид. наук,
доцент, профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин,
ЧОУ ВО «ЮИМ»
Краснодар;*

Гриценко Я.С.,

*магистрант 1 курса,
ЧОУ ВО «ЮИМ»
г. Краснодар*

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА НАЗНАЧЕНИЯ БОЛЕЕ МЯГКОГО НАКАЗАНИЯ, ЧЕМ ПРЕДУСМОТРЕНО ЗА ДАННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Наибольшую сложность в судебной практике представляет назначение наказания более мягкого в порядке, предусмотренным ст. 64 УК РФ. Данная проблема не нова, существует на протяжении десятилетий, однако у судов нет точных критериев по толкованию данной нормы.

¹ Berman H.J. *Intergrative Jurisprudence and World Law* // Atienza M. et alt. (Hg.). *Theorie des Rechts und der Gesellschaft*. Berlin. – 2003. – P. 5, 8, 11.

Статья 64 УК РФ предусматривает назначение наказания при наличии исключительных обстоятельствах. При этом наказание может быть назначено ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, или суд может назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрен этой статьей, или не применить дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного.

Если уголовно-правовая норма записана в Общей части УК, она должна быть применима ко всем нормам Особенной части. Проблему применения ст. 64 УК РФ после многочисленных изменений в санкциях Особенной части УК легко понять из практического применения ст. 64 УК РФ. Например, И. совершил кражу чужого имущества по ч. 1 ст. 158 УК РФ. Суд признал исключительными обстоятельствами признание вины и чистосердечное раскаяние. Суд, при назначения наказания, решит применить ст. 64 УК РФ. Смотрим санкцию ч. 1 ст. 158 УК РФ. Суд не может назначить наказание ниже низшего предела, так из санкции были исключены низшие пределы, они предусмотрены Общей частью, но ниже этих пределов нельзя назначать наказание. В тоже время, например, П. совершил убийство по ч. 1 ст. 105 УК РФ, при наличии исключительных обстоятельств ему возможно применить ст. 64 УК РФ и назначить наказание ниже низшего предела, то есть, например, пять лет лишения свободы.

Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58, «в случае назначения на основании статьи 64 УК РФ основного наказания ниже низшего предела, предусмотренного санкцией статьи Особенной части УК РФ, срок или размер наказания не может быть ниже низшего предела, установленного для данного вида наказания в Общей части УК РФ».¹

Рассмотрим второй вариант применения ст. 64 УК РФ на примере ч.1 ст. 158 УК РФ, то есть назначим более мягкий вид наказания, чем предусмотрен данной статьей. Но в санкции уже записан вид наказания штраф, самый мягкий в перечне ст. 44 УК РФ.

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 // Российская газета. – 2015. – 29 декабря.

Применим третий вариант смягчения наказания, то есть не будем применять дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного. Но санкция ч. 1 ст. 158 УК РФ не содержит дополнительного вида наказания.

Когда был принят УК РФ, ст. 64 УК РФ могла применяться к любой санкции статьи Особенной части УК РФ. Затем началось разрушение санкций, законодатель посчитал необходимым исключить нижние пределы санкций, несмотря на то, что УК РФ имеет систему, которую создали разработчики. Если из системы исключать какое-либо звено, это отражается на всей системе, что мы имеем в данном случае. Получается, что, например, лицо, совершившее посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, имеет право на применение ст. 64 УК РФ (из судебной практики известно, что за покушение на сотрудника милиции с применением ст. 64 УК РФ было назначено 6 лет лишения свободы – нижний предел санкции ст. 317 УК РФ – 12 лет), а лицо, совершившее ч. 1 ст. 158 УК РФ этого права не имеет. Но принципа равенства перед законом никто не отменял.

Затем была введена кратность штрафа за взяточничество и другие преступления¹. Появились в санкции, например, в ч. 6 ст. 290 УК РФ, штрафы, в размере от восьмидесятикратной до стократной суммы взятки. Ст. 64 УК РФ не отразила эти изменения, тогда Пленум Верховного Суда РФ в п. 3 своего постановления создал новую уголовно-правовую норму, разъяснив, что «При назначении в качестве основного наказания штрафа, исчисляемого указанным способом, в случае применения ст. 64 УК РФ может быть уменьшена величина кратности, предусмотренная соответствующей статьей Особенной части УК РФ (в таком случае размер штрафа также не может быть менее двадцати пяти тысяч рублей)». Данный вариант применения ст. 64 УК РФ должен быть записан в УК РФ. И на вопрос о том, создает ли Пленум Верховного Суда РФ новую уголовно-правовую норму, на основании этого примера дается утвердительный ответ.

Суд, установив обстоятельства, которые признает исключительными, может не применять дополнительный вид наказания,

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям: Федеральный закон от 28.06.2013 № 134-ФЗ // Российская газета. – 2013. – 2 июля.

предусмотренный в качестве обязательство. Когда принимался УК РФ, санкции содержали конфискацию в качестве дополнительного вида наказания. Закон должен стимулировать постпреступное поведение виновного для раскрытия преступления, изобличения соучастников. Подсудимый знал, что если будет способствовать раскрытию преступления, то при применении ст. 64 УК РФ ему могут не назначить конфискацию имущества. В настоящее время после революционных изменений в санкциях статей УК РФ, дополнительные наказания в санкциях записаны так, например, в ч. 3 ст. 161 УК РФ «с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового». Зачем применять ст. 64 УК РФ, если и без нее суд на свое усмотрение может не назначить ограничение свободы. Третий вариант применения ст. 64 УК РФ вообще теряет смысл.

Хотя есть единичные санкции, где дополнительный вид наказания записан в безальтернативном варианте, например, ч. 1 ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» предусматривает лишение свободы со штрафом и ограничение свободы на срок от одного года до двух лет. Поэтому при наличии исключительных обстоятельств суд может не назначать ограничение свободы. Приведем другой пример. Ч. 6 ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от четырех до девяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Уголовный кодекс Республики Болгария¹ по-другому решает назначение наказания при наличии исключительных обстоятельств. «При наличии исключительных обстоятельств суд может назначить наказание ниже низшего предела либо заменить виды наказаний, например, пожизненное заключение заменить лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет; исправительные работы и обязательное поселение – штрафом от пятидесяти до пятисот левов». Снижение наказания в этом случае значительно сильнее, чем по УК РФ.

Часть 3 ст. 68 УК РФ говорит о назначении наказания при рецидиве преступлений и при наличии исключительных обстоятельств. В этой норме мы имеем конкуренцию специальной нор-

¹ Уголовный кодекс Республики Болгария. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 288 с.

мы о наказании при рецидиве преступлений (ч. 2 ст. 68 УК РФ) и исключительной (ч. 3 ст. 68 УК РФ). Наказание в этом случае определяется по ч. 3 ст. 68 УК РФ по правилам ст. 64 УК РФ. Такое положение впервые закреплено в уголовном законодательстве РФ, когда возможно назначение наказания ниже низшего предела при наличии отягчающих обстоятельств.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 40 своего постановления вновь создает новую уголовно-правовую норму: «Статья 64 УК РФ может применяться и при наличии обстоятельств, отягчающих наказание»¹. В законе об этом не говорится. Но текст закона должен быть изложен так, чтобы смысл был ясен любому, кто читает закон. Судебное толкование – это толкование записанного закона, а не создание нового. Верховный суд пришел к такому выводу путем систематического толкования двух норм УК РФ: ст. 64 и ст. 68. Такое разъяснение Верховного суда РФ связано с тем, что ст. 68 УК РФ «Назначение наказания при рецидиве преступлений» предусматривает применение ст. 64 УК РФ при наличии исключительных обстоятельств и наличии любого вида рецидива, но закон разрешает применять ст. 64 УК РФ только, когда есть конкретное обстоятельство, отягчающее наказание, – рецидив преступления, однако разъяснение Верховного Суда РФ распространяет применение ст. 64 УК РФ при установлении по делу любых обстоятельств, отягчающие наказание.

По мнению В.Ф. Цепелева: «признание тех или иных обстоятельств исключительными может иметь место лишь при отсутствии каких-либо отягчающих обстоятельств»².

В.И. Зубкова отмечает, что судебная практика показывает, что основанием для назначения более мягкого наказания признается, как правило, совокупность смягчающих обстоятельств при отсутствии отягчающих обстоятельств...»³.

С эти можно не согласиться, так как наличие рецидива преступлений не останавливает суд для применения ст. 64 УК РФ, тем более что закон разрешает это делать.

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 // Российская газета. – 2015. – 29 декабря.

² Уголовное право России. Общая часть : учебник / Под ред. В.П. Ревина. – М. : Юстицинформ. 2016. – С. 408.

³ Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. – М., 2002. – С. 270.

Поэтому существует и такая точка зрения: «по смыслу закона наличие обстоятельств, отягчающих наказание, не исключает возможности назначения наказания с применением ст. 64 УК РФ. Такой запрет законом не установлен»¹.

В юридической литературе в связи с закреплением в УК РФ и УПК РФ института досудебного соглашения о сотрудничестве появились предложения о необходимости отказа от одного из оснований для применения более мягкого наказания, чем предусмотрено за совершенное преступление, записанное в ст. 64 УК РФ.

Так, А.А. Мясников пишет: «Целесообразно исключить из диспозиции ч. 1 ст. 64 УК РФ указание на такое обстоятельство, как активное содействие участника группового преступления раскрытию этого преступления»². Полагаем, что это связано с дублированием уголовного закона.

Но если это положение исключить из ст. 64 УК РФ, имеем ухудшение положения виновного, так как, согласно ч. 2 ст. 62 УК РФ, «в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктом «и» части первой статьи 61 настоящего Кодекса, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

Но в случае применения ст. 64 УК РФ виновный может рассчитывать на назначение наказания ниже низшего предела, а также применение данного смягчающего обстоятельства суд может учитывать и при наличии отягчающих обстоятельств, в отличие от ст. 62 УК РФ.

Имеем конкуренцию норм. Конкуренция норм, смягчающих наказание, решается в пользу более смягчающего обстоятельства, значит, надо применить ст. 64 УК РФ.

Проблема еще в том, что применение ст. 64 УК РФ отличается от применения ст. 62 УК РФ: ст. 64 УК РФ суд вправе при-

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Бриллиантова. (Постатейный). – 2-е издание. – М., 2015. – Т. 1. – С. 96.

² Мясников А.А. Институт смягчения наказания: проблемы законодательной регламентации и правоприменения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Мясников Алексей Анатольевич. – Краснодар, 2011. – С. 21.

менить, а ст. 62 УК РФ суд обязан применить при наличии активного содействия раскрытию преступления виновным, то есть для виновного в этом случае есть гарантии смягчения наказания, а надежда на применение ст. 64 УК РФ связана с судебским усмотрением.

Есть мнение ученых, «что положения ст. 64 УК РФ относятся и к санкциям, содержащим такие виды наказания, как пожизненное лишение свободы и смертная казнь. Наличие исключительных обстоятельств в этих случаях дает основания неприменения указанных видов наказаний»¹. Это научное толкование ст. 64 УК РФ, но в законе данное положение не отражено.

Предлагаем новую редакцию ч. 1 ст. 64 УК РФ:

«1. При наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, преступления наказание может быть назначено ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, или суд может назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрен этой статьей, или не применить дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного.

Если санкция статьи содержит пожизненное лишение свободы и смертную казнь, то при наличии исключительных обстоятельств данные виды наказаний не назначаются.

Статья 64 УК РФ может применяться и при наличии обстоятельств, отягчающих наказание. При назначении в качестве основного наказания штрафа, исчисляемого в величине, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа, взятки или сумме незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов в случае применения статьи 64 УК РФ может быть уменьшена величина кратности, предусмотренная соответствующей статьей Особенной части УК РФ (в таком случае размер штрафа также не может быть менее двадцати пяти тысяч рублей)».

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Бриллиантова. (Постатейный). – 2-е издание. – М., 2015. – Т. 1. – С. 158.

*Линько В.В.,
канд. ист. наук, доцент,
доцент кафедры
общетеоретических правовых дисциплин,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО «РГУП»
г. Краснодар*

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ПРОТИВОРЕЧИЯ, РИСКИ

Правовая глобализация как составная часть глобализационных процессов находится в фокусе острой полемики, актуализирует целый спектр проблем правоприменения. Правовой дискурс глобализации предопределил генезис двух основных подходов. Под данной тенденцией научное сообщество понимает, во-первых, интернационализацию права, усиление роли межгосударственных юридических инструментариев в правовом регулировании социальных отношений, формирование системы международного права. Во-вторых, процесс конвергенции правовых феноменов, в том числе правоприменения, порождающий полемику о границах, противоречиях, политической подоплеке последствиях, оценке такого сближения.

Эволюция глобализирующегося мира детерминирует правовую интеграцию, правовую интернационализацию и правовую имплементацию. Международная интеграция позитивного права подразумевает создание единого правового пространства, в результате чего должна сформироваться глобальная система международно-правового регулирования, которая станет условием цивилизованного функционирования и развития международного права. По мнению Ю.А. Тихомирова, интеграция формально-юридических источников осуществляется посредством сближения, гармонизации, унификации, стандартизации и имплементации¹. Стандартизация правовой жизни объективирует тенденцию единообразного правового регулирования общественных отношений, унификации правоприменительной практики. Соответст-

¹ Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. – М., 1996. – С. 101.

вие отечественной правоприменительной практики общепризнанным международно-правовым стандартам является одним из факторов интеграции страны в мировое глобализирующееся пространство. В этой связи законодательные рамки правоприменения должны подвергаться не только количественным, но в большей степени качественным изменениям.

Под воздействием глобализационных процессов в унисон с эволюцией международного процессуального права унифицируются национальные процессуальные конструкции, минимизируются риски появления конфликтов юрисдикций разной этиологии, расширяется практика заключения международных актов, содержащих нормы о подсудности. Сформирована и функционирует система конституционной юстиции. В соответствие с международно-правовыми стандартами приведена система принципов уголовного судопроизводства. Они охватывают состязательную форму процесса, первенство общечеловеческих ценностей, прав личности, ведущую роль судебной власти, возрастание начал диспозитивности. В российском арбитражном праве появились новые институты: рассмотрения дела в отдельных заседаниях суда, предварительного судебного заседания, производства о признании и исполнения решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений. Реформированы институты пересмотра судебных актов (апелляционное, кассационное и надзорное производства), институт обеспечения иска, дополненный нормами о предварительных обеспечительных мерах. Унификация на основе международных правовых стандартов, действие единого права замедлились с введением экономических и политических санкций против Российской Федерации, усилением национального эгоизма западных политических элит, протекционистской политики ряда государств.

Глобализация раздвигает границы правового пространства. Усложнение социальных отношений форсирует расширение и углубление правовой регламентации, что проявляется в возникновении новых отраслей (особенно информационного права) и институтов. «Новая эпоха, – по мнению С.И. Глушковой, – ведёт к необходимости правовой регламентации четвёртого поколения прав человека – информационных, что позволит разрешить такие

дилеммы, как информационная свобода или свобода информации, информационная безопасность или безопасность информации»¹. На Международном конгрессе по кибербезопасности Президент России В.В. Путин предложил программу борьбы с преступлениями в цифровой среде, обозначил важность охраны электронных баз данных, в том числе касающихся сферы личной жизни граждан, гибкого правового регулирования электронной банковской системы, юрисдикции и информационного суверенитета, электронной коммерции, правового режима сайтов².

Все сильнее проявляется линия на взаимопроникновение правоположений публичного и частного права. Границы между публичными и частными началами в современном праве являются подвижными и зависят от контекста, в котором развиваются те или иные социальные отношения. Поиск, поддержание оптимального баланса между частными и публичными интересами является одной из основных проблем правоприменения и правопорядка в целом. Соотношение частноправовых и публичноправовых начал требуют особого внимания в силу динамики социальных связей. В связи с этим в правореализации необходимо постоянно отслеживать, изучать диалектику изменений частного и публичного права, для того чтобы знать, когда применяются частно-правовые и публично-правовые инструменты. Важно понять и знать проблемы взаимопроникновения частного-правовых начал в публично-правовые и наоборот.

Глобализационные, интеграционные процессы сближают, детерминируют правовые системы, и, в конечном счете, способствуют конвергенции источников права³. Противоречие между абстрактностью закона и растущей казуистичностью правонарушений, важность конкретности, точности их квалификации меняет круг источников права, их значение. Стремление законодателя

¹ Глушкова С.И. Права человека и гражданина в контексте глобализации // Правовая система России в условиях глобализации / Под ред Н.П. Колдаевой, Е.Г. Лукьяновой. – М., 2005. – С. 45–46.

² Выступление Президента Российской Федерации В.В.Путина на пленарном заседании Международного конгресса по кибербезопасности 6 июля 2018 года. – URL : kremlin.ru. – 2018. – 6 июля.

³ Рарог А.И. Сближение уголовно-правовых систем в эпоху глобализации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9. – № 3. – С. 584–590.

единолично урегулировать весь спектр новых общественных отношений наталкивается на многообразие и многогранность жизненных ситуаций, которые, думается, невозможно закрепить в законодательстве, учитывая все реалии правовой действительности. В связи с этим прослеживается появление новых источников права. С.В. Поленина к ним относит правовые позиции Конституционного Суда РФ, А.Э. Жалинский, К.В. Ображиев – постановления и определения высшего органа конституционной юстиции, решения Пленума Верховного Суда Российской Федерации¹. Усиливается роль договорного регулирования. Потенциал международных источников права часто используется Конституционным Судом в качестве инструментария для аргументации своих позиций. Прослеживается линия на сближение российской правовой системы с прецедентными правовыми порядками.

Другое направление развития отечественного правоприменения связано с применением норм, принципов, прецедентов и положений международных договоров международного права в российской правовой системе. К нормам международного права, применяемым в российской внутригосударственной практике, относятся общепризнанные принципы и общепризнанные нормы международного права². По причине признания юрисдикции Европейского суда и принятия им в последнее время политизированных решений в юридической науке поднимается вопрос об использовании новых для России форм права и выработке рекомендаций по их применению в судебной и иной практике. Доказательством гармонизации законодательства стало включение в Гражданский кодекс РФ юридических конструкций Венской конвенции о международной купле-продаже, Оттавской конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге, фрайчайзин-

¹ Поленина С.В. Право и глобализация // Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика. – М., 2008. – С. 13; Жалинский А.Э. Правообразующее действие судебной практики по уголовным делам: вопросы совершенствования // Уголовное право. – 2010. – № 4. – С. 127–130; Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014. – С. 341.; Он же, Система формальных (юридических) источников российского уголовного права. – М., 2015. – С. 236.

² О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации. Постановление Пленума Верховного Суда РФ // официальный интернет-портал правовой информации. – URL : pravo.gov.ru (дата обращения: 08.07.2018).

га, имплементация договоров доверительного управления, коммерческой концессии, факторинга. Примечательно, что вначале они развивались в англо-саксонской правовой системе. Влияние правовой глобализации на организационный уровень правоприменения отражается в перестройке организации и деятельности правоприменительных институтов на основе аналогии универсальным моделям.

Правовая глобализация диалектически противоречивый процесс. Одно из ее противоречий – отсутствие синхронности рецепирования формы и содержания правоприменения, что порождает конфликтность между объектом, предметом и объемом (мерой) рецепции. Современные государства – лидеры глобализации под эгидой международных организаций и институтов в гегемонистских целях стремятся навязать свои максимы, донорство другим странам, реципиентам. Хотя, как показывает практика, юридическая институционализация, правоприменительный процесс не могут быть культурно нейтральными, политизированными. Принудительная, форсированная рецепция, механическое следование форме вызывает обратную реакцию «почвы», кризис законности и правопорядка¹. Заимствование мировых достижений в сфере российского правоприменения не всегда давали положительный правовой результат. Причина этого видится в отсутствии методологии, практического опыта, творческого подхода. Противоречия правоприменения в контексте глобализации предопределяются кризисом модели однополярного мира, международного права, системными разногласиями в экономической, финансовой сферах. Правовая глобализация довольно часто используются как инструмент установления миропорядка, отвечающего утилитарным интересам замкнутой группы государств, транснациональных образований. Проблема реализации норм международного права приобрела планетарный характер. Нелегкие времена переживает институт международной ответственности. По мнению С.Ю. Марочкина, правовая реальность ставит в повестку дня разработку и принятие нормативного акта о порядке обеспечения выполнения норм международного права, разви-

¹ См.: Линько В.В. Рецепция права в региональном правовом пространстве / В.В. Линько; Под ред. В.В. Шалина // Имитация как принцип интолерантного поведения. – Краснодар, 2013. – С. 19; 130.

вающего положения Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», создание института международных обязательств государства¹.

Противоречиями глобализирующейся правоприменительной практики пользуется международная преступность, реагирующая на правовую неопределенность значительно оперативнее, нежели государственные, наднациональные институты и международные организации.

*Самусенко Т.М.,
канд. юрид. наук, доцент,
зав. кафедрой истории и теории
государства и права Юридической школы,
Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток*

ФУНКЦИИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Исследование правоприменительной деятельности будет не полным без использования функционального метода, который показывает воздействие изучаемого явления на все иные, отражая его сущность и социальное назначение. Более того, применение права при правовой неопределенности обуславливает и особенности функций этого вида юридической практики.

Ввиду этого для достижения целей настоящего исследования необходимо раскрыть содержание понятия правовой неопределенности и затем рассмотреть в ее контексте функции правоприменительной деятельности.

Профессор Н.А. Власенко, который непосредственно изучал это явление, пишет, что неопределенность и определенность свойственны любой материи, в том числе и правовой, эти качества материи взаимосвязаны своей противоположностью, что, без-

¹ Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. – М., 2018. – С. 137.

условно, свойственно и праву¹. В другой своей работе ученый отмечает, что неопределенность как свойство права может рассматриваться только как некое промежуточное явление. Сама по себе правовая неопределенность, подчеркивает автор, не может быть целью правового регулирования, неопределенность используется как средство достижения оптимальной, скажем больше – гуманной определенности в правовом опосредовании общественных отношений².

Заслуживает внимание точка зрения М.А. Капустиной, согласно которой в российской юридической литературе проблемы восполнения правовой неопределенности (пробелов в правовом регулировании) чаще всего исследуется в аспекте законодательного и правоприменительного упорядочения общественных отношений³. Полагаем, что нельзя ставить знак равенства между правовой неопределенностью и пробелами в законодательстве. Так как неопределенность более широкое понятие и имеет место не только в случае пробелов, но и коллизий, связано с использованием ситуационных (оценочных) понятий, существованием альтернативных и факультативных норм.

Представляется справедливой точка зрения В.В. Ковалевой, согласно которой постановка проблемы «правовой неопределенности», возможна только в рамках позитивистского правопонимания, где право – это система норм, установленных государством. И в результате правотворчества, по объективным и субъективным причинам, законодатель (иной субъект правотворчества) не может в абстрактной правовой норме определить конкретность поведения на все случаи жизни. В рамках иных типов правопонимания, в частности, социологического или естественно-правового, право всегда определено: в первом случае, право обусловлено конкретными жизненными обстоятельствами, во втором – представлениями о справедливости. Таким образом, правовая неопределенность свойство именно позитивного права, индикато-

¹ Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании. – М., 2017. – С. 56.

² Власенко Н.А. Проблемы правовой неопределенности: курс лекций. – М., 2016. – С. 14.

³ Капустина М.А. Правовая неопределенность и формальное равенство как принципы нормативно-правового регулирования / М.А. Капустина; Под общ. ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко // Принцип формального равенства и взаимное признание права : коллективная монография. – М., 2016. – С. 27.

ром наличия которого является правоприменительная деятельность¹.

Таким образом, правовая неопределенность в широком смысле – это отсутствие однозначности правового регулирования конкретных отношений, вызванное объективными и субъективными причинами. К правовой неопределенности можно отнести: пробел в позитивном праве, коллизию норм, неясное текстуальное выражение нормы права вследствие юридико-технической ошибки. При наличии таких явлений процесс применения права становится более сложным и, соответственно, изменяются его функционирование. Например, если имеет место пробел в праве, то правоприменителю, судье, следует сначала искать аналогичную норму, выраженную в законодательстве, а если отношения не урегулированы вообще, тогда он должен принять решение исходя из общих принципов на основе своего внутреннего убеждения, при этом, особое значение в такой ситуации имеет его уровень правосознания, профессиональная подготовка и опыт.

Анализ юридической литературы позволил прийти к выводу об отсутствии единства мнений относительно количества и содержания функций правоприменительной деятельности.

Так, например, выделяют правонаделительную, правообеспечительную и функцию индивидуального регулирования. При этом правонаделительная, выражается в предоставлении лицам субъективных прав или наложении на них юридических обязанностей. Правообеспечительная проявляется при неисполнении юридических обязанностей, когда необходимо устранить существующие препятствия и возложить меры юридической ответственности. Функция индивидуального регулирования общественных отношений, в рамках которой определяются объем и содержание субъективных прав и юридических обязанностей, объем и мера ответственности². Данная функция проявляется в дискреции субъектов правоприменения, т.е. возможности усмотрения. Так,

¹ Ковалева В.В. Правовая неопределенность как средство обеспечения прав человека // Материалы научно-практической конференции : в 4-х частях. Материалы VI юридической недели, Материалы XI Международной конференции (Кутафинские чтения) МГЮА им. О.Е. Кутафина и XVII Ежегодной международной научно-практической конференции юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова «Обеспечение прав и свобод в современном мире», Москва, 22 ноября – 3 декабря 2016 г. – М., 2017. – С. 59.

² Гайворонская Я.В. Теория государства и права / Я.В. Гайворонская, Т.М. Самусенко. – Владивосток, 2007. – С. 160.

альтернативные и относительно-определенные санкции уголовно-правовых норм обуславливают возможность судьи на основе закона и своего внутреннего убеждения с учетом всех обстоятельств дела выбрать конкретный вид и меру наказания.

В свою очередь В.Н. Карташов предлагает выделять общесоциальные и специально-юридические функции правоприменительной практики. К общесоциальным автор относит: экономическую, политическую, социальную, экологическую, идеологическую. К специально-юридическим: регулятивно-ориентационную, регистрационно-удостоверительную, правоконкретизирующую и правоохранительную, включающую в себя подфункции: правообеспечительную, превентивную, правовосстановительную, компенсационную, карательную и др.¹.

Безусловно, особый интерес представляют специально-юридические функции правоприменительной деятельности. Анализируя представленные точки зрения, можно прийти к выводу, что они «пересекаются». Так, правонаделительная функция и регистрационно-удостоверительная совпадают полностью, так как в результате регистрационной деятельности государства субъекты наделяются новыми правами и обязанностями. Грань между правоохранительной, превентивной, правовосстановительной и правообеспечительная весьма условна. Функция индивидуального регулирования, проявляется там, где есть возможность усмотрения, т.е. при наличии у субъекта правоприменения дискреционных полномочий.

Заслуживает внимание точка зрения В.В. Ковалевой, которая считает, что в любом случае функция правоприменения зависит от правоприменительной ситуация, на основе которой осуществляется правоприменительная деятельность. На основе этого автор выделяет следующие функции правоприменения: регистрационно-удостоверительную, правообеспечительную, регулятивно-ориентационную и правоохранительную².

Представляется не совсем удачной выделение правоохранительной функции, считаем, что, в общем и целом применение права осуществляется с целью охраны правопорядка, таким обра-

¹ Карташов В.Н. Теория правовой системы общества : учебное пособие. – в 2 т. – Ярославль, 2005. – Т. I. – С. 322–324.

² Ковалева В.В. Теория правоприменительной деятельности. – Краснодар, 2018.– С. 32.

зом, охранительная – это функция права, которая, в свою очередь является критерием для классификации политико-правовых явлений, поэтому правоохранительным может быть вид применения права, а не его функция. В связи с этим полагаем, что правоприменение выполняет следующие функции: регистрационно-удостоверительную, правообеспечительную и функцию индивидуального регулирования. Последняя из которых проявляется в условиях правовой неопределенности, обуславливающей возможность усмотрения правоприменителя.

*Христинич И.В.,
канд. юрид. наук,
старший помощник прокурора,
Центральный административный округ
г. Краснодар*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОДРЯДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРИ ОКАЗАНИИ УСЛУГ И ВЫПОЛНЕНИИ РАБОТ ПО КАПИТАЛЬНОМУ РЕМОНТУ МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМОВ

С момента введения механизма проведения капитального ремонта многоквартирных домов¹ в российском законодательстве появился новый виток нормативных правовых актов, регламентирующий порядок отбора домов и подрядных организаций, финансирования работ и оформления сопряженной с этими процессами документации.

В научной литературе уже имеется мнение, что «обычно капитальный ремонт общего имущества многоквартирного дома ассоциируется с обязанностью физических лиц – собственников жилых помещений по уплате взносов на капремонт»².

¹ Федеральный закон от 25.12.2012 № 271-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Российская газета. – 2012. – 28 декабря.

² Арабули Д.Т. «Капитальный ремонт многоквартирного дома, или несколько уроков бизнеса для собственника жилого дома» // Семейное и жилищное право. – 2017. – № 4. – С. 37–40.

Информирование населения в этой части активно направлено на борьбу с неплательщиками взносов на капитальный ремонт, применением штрафных санкций и судебных издержек.

Вместе с тем, об обязанностях и ответственности иных участников данного процесса сведений мало, и, как показывает практика, выявить нарушителей возможно только при активной позиции самих жильцов многоквартирных домов либо при инициировании проверок контрольно-надзорными органами.

В соответствии с гл. 15 Жилищного кодекса Российской Федерации, Федеральным законом от 21.07.2007 № 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства», Законом Краснодарского края от 01.07.2013 № 2735-КЗ «Об организации проведения капитального ремонта общего имущества собственников помещений в многоквартирных домах, расположенных на территории Краснодарского края» реализация программы капитального ремонта общего имущества собственников помещений в многоквартирных домах, расположенных на территории Краснодарского края, осуществляется региональным оператором – Некоммерческой унитарной организацией «Краснодарский краевой фонд капитального ремонта многоквартирных домов».

В соответствии с заключенными с 2016 года договорами «О передаче функций технического заказчика» обязанность по проведению капитального ремонта многоквартирных домов на территории города Краснодара вменена муниципальному казенному учреждению муниципального образования город Краснодар «Горжилхоз» (далее МКУ МО г. Краснодар «Горжилхоз»). Согласно условиям данных договоров весь процесс, начиная от выбора подрядных организаций, контроля осуществления ими работ на своевременность, качество и соответствие стоимости, устранению недостатков, оплаты штрафных санкций и другое возложен на муниципальное казенное учреждение, а не на регионального оператора.

Таким образом, законодательно не запрещено, что во взаимоотношениях между собственниками помещений, региональными операторами и подрядными организациями могут участво-

вать иные юридические лица – технические заказчики, которым региональный оператор передает свои полномочия¹.

От количества лиц, участвующих в процессе проведения капитального ремонта, качество его проведения и своевременность не только не выигрывает, но и создает дополнительные проблемы для собственников жилых помещений, зачастую связанные с невозможностью быстро устранить недостатки, допускаемые подрядными организациями.

Как уже показала практика прокурорского надзора в этой сфере, подрядными организациями достаточно часто допускаются разного рода недоделки (используются некачественные строительные материалы либо комплектующие, не выполняется полный объем работ, предусмотренный проектно-сметной документацией², на территории мест общего пользования складировается строительный мусор и т.д.), либо, что еще опасней для жильцов многоквартирных домов, выполнение работ с нарушением технических норм и правил.

Наиболее часто жалобы жильцов связаны с такими случаями, как демонтаж старой кровли и несвоевременная установка новой, а в этот промежуток времени в результате неблагоприятных погодных условий внутриквартирному имуществу причинен значительный ущерб, возмещать который никто из участников процесса не торопится.

¹ Функции технического заказчика услуг и работ по капитальному ремонту многоквартирных домов, собственники помещений в которых формируют фонды капитального ремонта на счетах регионального оператора, расположенных на территории городского округа, городского поселения или сельских поселений (далее - функции технического заказчика), осуществляются соответственно органом местного самоуправления такого городского округа, городского поселения, муниципального района, в состав которого входят соответствующие сельские поселения, либо муниципальным бюджетным или казенным учреждением на основании договора, заключенного между региональным оператором и таким органом местного самоуправления либо муниципальным бюджетным или казенным учреждением, в случае принятия данным органом местного самоуправления решения о выполнении функций технического заказчика органом местного самоуправления либо муниципальным бюджетным или казенным учреждением (ч. 1 ст. 34.1 Закона Краснодарского края от 01.07.2013 № 2735-КЗ «Об организации проведения капитального ремонта общего имущества собственников помещений в многоквартирных домах, расположенных на территории Краснодарского края»(в ред. Законов Краснодарского края от 29.04.2016 № 3394-КЗ, от 09.11.2017 № 3685-КЗ)).

² URL : <http://prokuratura-krasnodar.ru/news/po-materialam-proverki-provedennoy-prokuraturoy-7> (дата обращения: 23.04.2018).

Имеют место случаи, когда собственники жилья обращают внимание, что в период проведения капитального ремонта резко возрастают тарифы на оплату общедомовых нужд (оплата электроэнергии мест общего пользования, холодного водоснабжения по коллективным приборам учета). Причиной является использование подрядными организациями электроэнергии либо водных ресурсов для проведения работ из мест общего пользования многоквартирных домов (подъездов, подвалов, чердаков), оплата за которые осуществляется не данными организациями, а жильцами. Механизм возмещения данных расходов законодательно не предусмотрен и во взаимоотношениях между собственниками, региональным оператором, техническим заказчиком либо подрядными организациями не регламентирован в условиях заключенных договоров.

Нормы об ответственности подрядных организаций при проведении капитального ремонта многоквартирных домов появились на федеральном уровне с июля 2016 года, когда вступило в силу постановление Правительства Российской Федерации № 615¹. Следовательно, до его принятия подрядные организации несли ответственность только в гражданско-правовой плоскости и только в том объеме, в котором это было указано в договорах с техническими заказчиками.

В этой связи на практике обозначилась проблема, которая свидетельствовала о безнаказанности недобросовестных подрядных организаций.

Так, в соответствии с условиями договора, заключенного между НУО «Краснодарский краевой фонд капитального ремонта многоквартирных домов» и МКУ МО г. Краснодар «Горжилхоз» о передаче функций технического заказчика услуги и (или) работ

¹ Постановление Правительства РФ от 1 июля 2016 г. № 615 «О порядке привлечения подрядных организаций для оказания услуг и (или) выполнения работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирных домах и о порядке осуществления закупок товаров, работ, услуг в целях выполнения функций специализированной некоммерческой организации, которая осуществляет деятельность, направленную на обеспечение проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах» // PRAVO.GOV.RU Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody> (дата обращения: 16.04.2018).

по капитальному ремонту общего имущества собственников помещений в многоквартирных домах, договоры подряда на выполнение работ по капитальному ремонту, заключаемые техническим заказчиком, предусматривали сроки окончания работ по капитальному ремонту, а также обязательства подрядных организаций по устранению выявленных нарушений в разумный срок, за свой счет и своими силами.

В целях реализации требований договора с региональным оператором, техническим заказчиком в условия договора с подрядными организациями включены условия о применении штрафных санкций за нарушение сроков исполнения обязательств. Это штраф в размере 0,1 % от стоимости работ по договору за каждый календарный день просрочки до фактического исполнения.

В соответствии с данным требованием договора МКУ МО г. Краснодара «Горжилхоз» каждой подрядной организации, не выполнявшей в срок капитальный ремонт, готовил претензионные письма о суммах штрафных санкций. Однако в последующем, данные гарантийные письма не включались в пакет документов, направляемых региональному оператору на оплату работ, и не предъявлялись подрядной организации в виде досудебной претензией. Подрядные организации после получения денежных средств в полном объеме за выполненные работы по капитальному ремонту, штрафные санкции не выплачивали, так как региональный оператор не получал от технического заказчика сведения об их применении. Соответственно, ни техническим заказчиком, ни региональным оператором не взыскивались суммы штрафных санкций в судебном порядке и подрядные организации не несли никакой материальной ответственности за несвоевременное выполнение капитального ремонта. По фактам бездействия должностных лиц технического заказчика и регионального оператора приняты соответствующие меры прокурорского реагирования, однако эта ситуация как раз обозначила, что в рамках гражданских правоотношений привлечение к материальной ответственности подрядных организаций малоэффективно, и не влияет на качество и своевременность выполняемых ими работ по капитальному ремонту.

Претензии к качеству выполняемых работ и к добросовестности подрядных организаций также обозначены у некоторых исследователей данного вопроса¹.

Пробельность в законодательстве подтверждала необходимость введения жесткой регламентированной ответственности подрядных организаций.

На эту проблему обращено внимание, в связи с чем, в постановление Правительства 09.09.2017² внесены необходимые корректировки, существенно изменившие подход к отбору подрядных организаций и ужесточившие требования к их работе.

Во-первых, теперь, чтобы заявить о готовности к проведению капитального ремонта подрядные организации должны соответствовать перечню регламентированных критерий (членство в СРО, наличие лицензии и аттестации, аккредитации, отсутствие задолженности по уплате налогов и сборов, конфликта интересов и др.)³.

Подрядные организации должны быть включены в реестр квалифицированных подрядных организаций, и не числиться в реестрах недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) по контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, и недобросовестных подрядных организаций, ведение которых осуществляется федеральным органом исполнительной власти.

¹ Чистякова Е.М. Процедуры отбора подрядных организаций для капитального ремонта многоквартирных домов: основные подходы к правовому регулированию и пути совершенствования // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 5. – С. 73–86; Крашенинников П.В., Бадулина Е.В. Капитальный ремонт многоквартирных домов: пути совершенствования законодательства // Семейное и жилищное право. – 2016. – № 6. – С. 37–41.

² Постановление Правительства РФ от 09.09.2017 № 1091 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам обеспечения безопасности при использовании и содержании внутридомового и внутриквартирного газового оборудования» // PRAVO.GOV.RU Официальный интернет-портал правовой информации. – URL : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102165346> (дата обращения: 16.04.2018).

³ Пункт 23 Положения о привлечении специализированной некоммерческой организацией, осуществляющей деятельность, направленную на обеспечение проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, подрядных организаций для оказания услуг и (или) выполнения работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме, утвержденного постановлением Правительства от 01.07.2016 № 615.

Во-вторых, четко обозначены основания для расторжения договора о проведении капитального ремонта в одностороннем порядке и взысканием причиненных убытков:

- систематическое (2 раза и более) нарушение подрядной организацией сроков оказания услуг (или) выполнения работ;

- задержка подрядной организацией начала оказания услуг (или) выполнения работ более чем на 5 календарных дней по причинам, не зависящим от заказчика или собственников помещений в многоквартирном доме;

- неоднократное (2 раза и более в течение одного календарного месяца) несоблюдение (отступление от требований, предусмотренных договором о проведении капитального ремонта, проектной документации, стандартами, нормами и правилами, а также иными действующими нормативными правовыми актами) подрядной организации, требований к качеству услуг и (или) работ и (или) технологии проведения работ;

- неоднократное (2 раза и более в течение одного календарного месяца) использование некачественных материалов, изделий и конструкций, выявленных заказчиком в соответствии с условиями договора о проведении капитального ремонта;

- прекращение членства подрядной организации в саморегулируемой организации, издание актов государственных органов в рамках законодательства Российской Федерации, лишаящих права подрядной организации на производство работ;

- нарушение подрядной организацией сроков оказания услуг и (или) выполнения работ продолжительностью более 15 календарных дней по любому из многоквартирных домов;

- нарушение сроков замены банковской гарантии, установленного договором о проведении капитального ремонта, при отзыве лицензии, банкротстве или ликвидации банка-гаранта более чем на 2 рабочих дня;

- выявление заказчиком после заключения договора о проведении капитального ремонта факта недействительности представленной подрядной организацией банковской гарантии;

- неисполнение обязательства о продлении срока банковской гарантии при изменении сроков оказания услуг и (или) выполнения работ либо при нарушении подрядной организацией предусмотренных договором о проведении капитального ремонта сроков оказания услуг и (или) выполнения работ.

В-третьих, в договоре о проведении капитального ремонта в обязательном порядке теперь должна быть предусмотрена ответственность и подрядчика и заказчика за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору о проведении капитального ремонта (штрафы, пени, неустойки).

Введенные законодателем требования, по мнению автора, могут существенно повлиять на отношение подрядных организаций к выполнению капитального ремонта и, как следствие, на качество и своевременность выполняемых работ.

Вместе с тем, в продолжение реформирования данного процесса, вполне приемлемым могут стать меры по введению административной ответственности к подрядным организациям за несоблюдение сроков и условий договоров, как это уже с 13.07.2015 предусмотрено в нормативных правовых актах Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок¹.

Направленная политика государства на обновление жилищного фонда, бесспорно, будет еще долгое время актуальна. Поэтому в свете реализации комплексного подхода к вопросам капитального ремонта необходимо акцентировать внимание на всех аспектах этого процесса: и на ответственности собственников многоквартирных домов, их бдительности к производимым работам и на ответственности иных участников: подрядных организаций, технического заказчика, регионального оператора.

При этом, можно согласиться с мнением П.В. Крашенинникова, Е.В. Бадулиной, что система капитального ремонта должна быть максимально прозрачной, открытой и защищенной, поскольку аккумулирует как денежные средства частных собственников, так и бюджетные средства, выделяемые государством². И ответственность подрядных организаций в данном аспекте должна быть двойная и перед частными лицами по качеству выполняемых работ и перед государством по срокам, объемам и соответствию их нормам.

¹ Часть 7 статьи 7.32 КоАП РФ – действия (бездействие), повлекшие неисполнение обязательств, предусмотренных контрактом на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд заказчиков, с причинением существенного вреда охраняемым законом интересам общества и государства, если такие действия (бездействие) не влекут уголовной ответственности.

² Крашенинников П.В. Капитальный ремонт многоквартирных домов: пути совершенствования законодательства / П.В. Крашенинников, Е.В. Бадулина // Семейное и жилищное право. – 2016. – № 6. – С. 37–41.

*Чолахян А.В.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории права,
ФГБОУ ВО «СГЮА»
г. Саратов*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Взаимодействие различных правовых систем – процесс сложный и многогранный. Это обусловлено всё большей интернационализацией многих сторон и аспектов международной жизни, в том числе взаимопроникновением и взаимовлиянием правовых систем. Правовая культура отдельных стран подвергается постоянному влиянию со стороны других культур и юридических систем. При этом важным фактором нередко становится не столько внутренняя динамика развития национального права, сколько давление со стороны внешних сил. Оно может быть вызвано как требованиями международных организаций соответствовать «мировым стандартам», так и собственным желанием в ускоренном порядке осуществить модернизацию. Всё это позволяет оценить накопленный внутригосударственный правовой опыт и определить основные тенденции развития и совершенствования собственной правовой системы.

Одной из объективных закономерностей в развитии правовых систем современности является унификация законодательства, то есть достижение единообразного регулирования правовых отношений. Наиболее яркое выражение данный процесс получает в межгосударственных соглашениях и договорах, выполнение которых является обязательным для государств-участниц. При этом они либо главенствуют, либо действуют субсидиарно с внутренне-национальными законами. Помимо этого, подобные соглашения подкрепляются обязательным характером конвенций, с которыми они согласовываются.

В Конституции Российской Федерации закреплены конкретные принципы и нормы соотношения российского и международного права: «Общепризнанные принципы и нормы между-

народного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» (ч. 4 ст. 15).

Разумеется, речь идёт лишь о тех межгосударственных соглашениях, которые уже ратифицированы и опубликованы, т.е. прошли проверку на соответствие их Конституции Российской Федерации. Исходя из этого, в современной правовой науке соотношение международного и российского права определяется как дуалистическое и носит характер взаимодействия.

Россия участвует во многих международных соглашениях по сближению права, причём как универсальных, так и региональных механизмов. Речь идёт об унификации и гармонизации правовых систем (ООН и её специализированных учреждений, Гаагской конференции по международному частному праву (ГКМЧП), Международном институте унификации частного права (УНИДРУА), Совете Европы и др.). Особое значение имеет для России сближение правового регулирования в рамках Содружества независимых государств (СНГ), Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), Содружества России и Беларуси.

В процессе взаимодействия правовых систем можно различать интернационализацию права как процесс стихийного взаимовлияния; взаимопроникновение и отражение системами национального права друг друга; правовую интеграцию как деятельность, специально направленную на обеспечение сбалансированного, бесконфликтного функционирования правовых систем. Сближение систем национального права выступает как часть организованной деятельности, призванной обеспечить нормальное функционирование национальных систем права и их взаимную сопрягаемость.

Сближение национальных правовых систем как особое направление сотрудничества государств может осуществляться исключительно при помощи международно-правовых средств. Вне международных обязательств, принимаемых на себя государствами, создание эффективных правовых регуляторов в виде единых и единообразных нормативных предписаний невозможно.

Практика международных отношений демонстрирует многовариантность форм, в которых может осуществляться сближение национальных правовых систем. Речь может идти об использовании всех известных международному праву форм согласования воли государств (интегральные конвенции, договоры по гармонизации, обычаи, единые акты, единообразные и модельные законы, основы законодательства, рекомендации международных организаций, решения судебных органов, своды единообразных правил и т.д.).

Решающим фактором обеспечения эффективности унификации и гармонизации национального права является его единообразное толкование. Несмотря на то, что во многие международные соглашения, направленные на сближение правового регулирования, включено специальное предписание о необходимости их единообразного толкования, а применительно к ряду договоров такая обязанность презюмируется, до настоящего времени не создано действенного механизма, обеспечивающего подобную совпадающую интерпретацию.

Становится всё очевиднее, что сближение национального законодательства малопродуктивно без соответствующего институционального механизма (вероятнее всего специального международного суда), обеспечивающего единообразное толкование унифицированного права. Успешная практика интеграционных группировок (ЕС, Бенилюкс, ОГАДА и др.) показывает, что такой суд может обеспечивать единообразное толкование единого и единообразного права. На сегодняшний день международное сообщество как никогда близко подошло к возможности учреждения такого механизма.

В настоящее время наблюдается активный процесс интеграции российского и международного права. Эта тенденция проявляется в том, что нормы международного права становятся в российской правовой системе приоритетными и непосредственно действующими. Вместе с тем, происходит унификация норм российского права относительно норм международного права¹. Углубляющееся взаимодействие международного и национального

¹ См. подробнее: *Киреева С.А.* Некоторые аспекты правовой политики Российской Федерации в сфере реализации функции межгосударственной интеграции // Правовая политика и правовая жизнь. – Саратов, 2006. – № 1. – С. 160–164; *Бахин С.В.* Понятие и механизмы международно-правового сближения правовых систем // Российский ежегодник международного права. – СПб., 2001. – С. 64–86.

права обуславливает процесс интернационализации или гомогенизации последнего, представляя собой одно из основных направлений развития современного права¹. Под интернационализацией права понимают сближение принципов права и национальных законодательств, углубление взаимного влияния различных правовых систем. Для дальнейшего успешного развития и решения глобальных проблем правовые системы различных стран должны быть совместимы и способны взаимодействовать друг с другом.

Под влиянием норм и принципов международного права в последние годы значительно обновилось отечественное законодательство по правам человека, гражданское, уголовное, административное законодательство. По ряду законопроектов проводилась правовая экспертиза Совета Европы и Европейского Союза, подтвердившие их соответствие европейским стандартам по правам человека.

Вместе с тем следует отметить, что интернационализация национального права – не односторонний процесс. Иное означало бы нарастающий приоритет наднациональной регуляции и вытеснение национально-правовых регуляторов. Национальное право, как выражение суверенности права государств, оказывает сильное влияние на формирование и применение международно-правовых регуляторов².

Взаимодействие международного и внутригосударственного права Российской Федерации предполагает стандартизацию права, т.е. установление единых минимальных норм и требований к правовому регулированию общественных отношений. Правовые стандарты в современном мире распространяются на все сферы человеческой жизни: экономику, политику, социальную и духовную сферы, охватывают различные области правового регулирования, в том числе, международно-правовые стандарты прав и свобод личности и процессуальные нормы функционирования правосудия.

Дальнейшее развитие правовых систем в современном мире обусловило гармонизацию российского законодательства, т.е.

¹ См.: Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. – 2002. – № 3. – С. 115.

² См.: Московский юридический форум «Глобализация, государство, право, XXI век»: По материалам выступлений. – М., 2004. – С. 167.

способствовало достижению его единства в многообразии. Большинство авторов считают, что процессы преобразования, реформирования и совершенствования правовой системы должны соответствовать реальным закономерностям, действующим не только в правовой сфере, но и отражать реальные свойства и связи, существующие в обществе и государстве в целом¹. По мнению Ю.А. Тихомирова, гармонизация правовых актов и норм «есть процесс обеспечения их согласованности, соразмерности объему полномочий принявших их субъектов, достижения целей, заданных государственными институтами»².

В условиях современной правовой действительности возникает необходимость выработки комплексной, нацеленной на далекую перспективу модели гармонизации отечественного права с учетом как внутригосударственных, так и международных аспектов права. Данный процесс необходим, прежде всего, для «систематизации нововведений, внесенных в законодательство и практику, их модернизации в соответствии с потребностями будущего развития, учёте всего нового, что наработано в других странах»³.

Можно выделить ряд принципиальных моментов в процессе гармонизации российского законодательства с зарубежным правом:

1) нормативное отражение в отечественном праве унифицированных в международном сообществе положений и юридических стандартов;

2) интеграция законодательства РФ и законодательства стран, объединенные общими экономическими интересами;

3) преодоление разногласий и коллизий между международным и российским законодательством, с учётом современных реалий политического развития.

¹ См. подробнее: Баранов В.М. Гармонизация правовой системы России: Концептуализация категории / В.М. Баранов, М.А. Пшеничников // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. – Вып. 1(2). Правовая система России на рубеже веков. Н. Новгород, 2000. С. 5–21; Они же. Правовая гармонизация // Государство и право на рубеже веков. Вопросы истории и теории. – М., 2001. – С. 27; Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции государств // Журнал российского права. – 1998. – № 6.

² Тихомиров Ю.А. Коллизионное право : учебное и научно-практическое пособие. – М. : 2000. – С. 79; 238.

³ Право Совета Европы и Россия. Сборник документов и материалов. – Краснодар, 1996. – С. 28.

Указанные обстоятельства позволяют отметить два основных аспекта, отражающих необходимость приведения норм российского и международного права в гармоничное состояние. Первый заключается в соблюдении Россией взятых на себя международных обязательств, а второй, внутренний аспект – стремление придать правовой системе страны стройный и согласованный вид.

На первый план выдвигаются не только требования восприятия и корректировки международного опыта, но и глубоко продуманные механизмы воспрепятствования ассимиляции международным правом отечественного законодательства¹. При этом очень важно понимать, что перед Россией не должна стоять задача слепой, механической гармонизации международного права во внутреннее законодательство. Определяющим моментом должны стать национальные интересы и реальные возможности обеспечить реализацию соответствующих норм.

Таким образом, для современного общества с его быстрыми социальными и институциональными изменениями особое значение имеет системное представление общей мировой и российской динамики правового развития. Анализ юридической картины мира показывает, что наиболее характерной тенденцией является глобализация как многоплановый и макромасштабный процесс, охватывающий все стороны жизни общества и способствующий интенсификации процессов взаимодействия между различными правовыми системами.

Плодотворная интеграция в единое правовое пространство возможна, на наш взгляд, при учете специфики российской правовой системы, конституционного строя, исторических традиций России, а также при создании государством необходимых условий для реализации на практике тех или иных правовых институтов зарубежных стран.

¹ Пшеничнов А.В. Российское законодательство и международное право: юридико-технические аспекты гармонизации // Сб. науч. трудов. Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. – Н. Новгород, 2001. – С. 26.

Шаповалова Я.В.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры
общетеоретических правовых дисциплин,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «РГУП»
г. Краснодар

СПЕЦИФИКА ДЕФЕКТОВ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ АКТОВ, ОБУСЛОВЛЕННАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ В ПРАВЕ

Правоприменительные акты государственных органов являются неотъемлемым элементом механизма воздействия права на общественные отношения, они представляют собой необходимый и важнейший элемент правовой системы государства. Эффективность правоприменительных актов зависит от их юридической и фактической обоснованности, от качества применяемого нормативного акта, законности и действительности их содержания, полноты учета всех возможных последствий, целесообразности, а также от качества организации принятия решения и его реализации. Таким образом, качество правоприменительной деятельности базируется на указанных факторах, среди которых, на наш взгляд, определяющую роль играет норма права, которая должна быть реализована через соответствующий акт. Как должен действовать уполномоченный субъект, разрешая конкретное юридическое дело, если норму, определяющую наличие или отсутствие субъективных прав и обязанностей, отыскать в праве не представляется возможным по причине правовой неопределенности? Необходимо отметить, что проблема дефектов правоприменительных актов, связанных с наличием неопределенности в праве, как предмет самостоятельного исследования не разрабатывалась.

Вместе с тем, неопределенность в праве существует объективно, она является предметом исследования современной российской юриспруденции, как и проблемы дефектности правоприменительных актов. На основе изучения научных позиций по вопросу дефектов в праве¹ можно констатировать, что термины

¹ *Авакьян С.А.* Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 8. – С. 3; *Власенко Н.А.* Неопределенность в праве: понятие и пути исследования // Российское правосудие. – 2006. – № 7. – С. 9; *Овсеян Ж.И.* Пробелы и дефекты как категории конституционного права // СПС Консультант Плюс.

«правовая неопределенность» и «дефект в праве» нельзя считать устоявшейся правовой категорией, а также согласиться с мнением, что эти категории тождественны, скорее преобладает другая позиция – дефект в праве категория более обширная, включающая в себя различные несовершенства, которые приводят к «сбоям» в правовой системе государства.

Как указывает Т.Н. Назаренко широкая трактовка термина «правовая неопределенность» имеет место при несовершенстве правового регулирования и «обозначает неточное, неполное и непоследовательное закрепление и реализацию в праве нормативной правовой воли. Это своеобразное несовершенство права, дефект воли нормоустановителя. Неопределенность в праве в узком значении рассматривается в качестве технико-юридического дефекта текста права как внешней, письменной формы его выражения»¹.

В работах авторов Назаренко Т.Н. и Власенко Н.А. указывается также на то, что неопределенность в праве можно рассматривать двояко и как негативное явление и как позитивное². В последнем случае речь идет – об особых приемах юридической техники, например, это проявляется в абстрактном способе формулирования норм права, диспозитивных и относительно определенных правовых нормах, использовании законодателем «рамочных» законов, оценочных понятий и др. В этом качестве, по мнению указанных ученых, неопределенность открывает возможности для индивидуального регулирования, известного «усмотрения» правоприменительных органов. Таким образом, в «абстрактном» способе изложения норм видится возможность не загромождать нормативно-правовые акты казуистикой, решать проблемы в индивидуальном порядке с учетом конкретной ситуации. Однако, на наш взгляд, такая позиция, в общем, имела бы смысл, однако в условиях российской действительности справедливо подвергается критике, так как открывает бесконтрольный простор для правоприменительных органов. Особенно критичным проявление правовой неопределенности становится в отраслях права, где определенные субъекты наделяются властными

¹ Назаренко Татьяна Николаевна. Неопределенность в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2006. – С. 6.

² Власенко Н.А. Неопределенность в праве: понятие и формы / Н.А. Власенко, Т.Н. Назаренко // Государство и право. – 2007. – № 3. – С. 5–12.

полномочиями, позволяющими им предрешать дальнейшую судьбу других людей.

Что касается негативного проявления правовой неопределенности, то, Н.А. Власенко приходит к выводу о том, что правовая неопределенность является несовершенством права, дефектом воли правотворца и элементом правовой несогласованности, проявляющейся в актах толкования права, правоприменительных актах¹.

В российской юридической науке только начинают формироваться подходы к изучению дефектов правоприменения. Дефекты правоприменительных актов с общетеоретических позиций исследовались в трудах таких ученых как С.Б. Поляков, М.А. Соколова и др.².

Вместе с тем, сам термин «дефект правоприменительного акта» практически не используется в научной юридической литературе. Чаще всего употребляют словосочетания «правоприменительные ошибки», «недостатки правоприменительных актов», отмечает М.А. Соколова, указывая, что под дефектом акта правоприменения следует понимать изъян в содержании и (или) форме правоприменительного документа, возникший ввиду умышленной или ошибочной деятельности правоприменителя, а также ввиду наличия изъяна в нормах нормативного правового акта, на основании которого создан правоприменительный документ³.

Таким образом, одним из обстоятельств, которое в наибольшей степени оказывает влияние на появление правоприменительных ошибок, и как следствие дефектности правоприменительных актов является правовая неопределенность.

Некоторые обобщения по вопросам правовой неопределенности и ее последствий в правоприменительной практике даны в Информации «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности, исследуются дефекты нормотворчества, выявленные Конституционным Судом РФ на протяжении 2013–2015 годов. Так, в частности, указано, допус-

¹ Власенко Н.А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. – 2013. – № 2. – С. 32–44.

² Ковтун Н.Н. Дефекты законодательной техники вызывают трудности в правоприменении // Российская юстиция. – 2001. – № 8. – С. 39–40.

³ Мурсалимов К.Р. Правоприменительные ошибки. Проблемы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2010. – С. 32.

каемые законодателем отступления от принципа правовой определенности, расплывчатость используемых в законах понятий и определений, очевидная избыточность юридико-технической эксплуатации относительно определенных категорий также подрывают единство правоприменения. Между тем многие законы, подвергнутые конституционной проверке, нуждаются в конкретизации, детализации, а иногда и в коренном обновлении используемых в них понятий. К существенным изъянам оспариваемых в Конституционном Суде законодательных актов принадлежит неопределенность возлагаемых на субъектов правоотношений обязанностей (имеющая место нередко в сочетании с неопределенностью распределения между ними ответственности). Допуская противоречивое истолкование и произвольное применение соответствующих норм, подобные дефекты ослабляют нормативную упорядоченность значимых с общественных отношений. Как отмечается в Информации, «неопределенность содержания правовой нормы, допуская возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения, может приводить к произволу, а значит, к нарушению не только принципов равенства и верховенства закона, но и установленных статьями 45 и 46 Конституции Российской Федерации гарантий государственной, включая судебную, защиты прав, свобод и законных интересов граждан»¹. В целом правовая неопределенность дает безграничные возможности для неоднозначного толкования и, следовательно, произвольного применения правовых норм.

К специфике дефектов правоприменительных актов, обусловленных правовой неопределенностью следует отнести следующие. Правоприменительный дефект возникает по причине отсутствия регулирующей нормы, либо ее неполноты, неточности, а также вследствие правовой несогласованности норм. Так как основой правоприменительного процесса является правовая норма, то в случае правовой неопределенности процесс правоприменения лишается своего стержня.

Так как правоприменительный процесс делится на стадии, то в ситуации правовой неопределенности системная ошибка возникает уже на второй стадии – при правовой квалификации,

¹ Поляков С.Б. Дефекты законодательства и правоприменительной практики как предмет изучения юридической науки // Российский юридический журнал № 1, январь-февраль 2017 г. – С. 16–22.

что несет в себе достаточно высокий риск ущербности последующих стадий. Соответственно итоговый акт, с большой долей вероятности, приведет к неправильному разрешению дела, а итоговый правоприменительный акт будет дефектным с точки зрения содержательного наполнения.

Устранение дефектов в правоприменительных актах в условиях правовой неопределенности имеет особые трудности: во-первых по причине отсутствия алгоритма их обнаружения (выявления), во-вторых прежде чем исправить правоприменительный акт необходимо устранить правовую неопределенность путем правотворческого решения либо принятия интерпретационного акта, в обоих случаях процесс исправления дефектного правоприменительного акта не имеет понятной прогностической перспективы ни временной, ни содержательной.

*Шаповалова Я.В.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры
общетеоретических правовых дисциплин,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «РГУП»
г. Краснодар*

СУДЕБНОЕ ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО АДАПТАЦИИ ПРАВА В УСЛОВИЯХ ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Давая определение правовой неопределенности, Т.Н. Назаренко указывает, что правовая неопределенность может рассматриваться как «неточное, неполное и непоследовательное закрепление и реализацию в праве нормативной правовой воли. Это своеобразное несовершенство права, дефект воли «нормоустановителя», в широком смысле, или более узко как «технико-юридический дефект текста права как внешней, письменной формы его выражения»¹. Неопределенность в праве существует объективно, «любой нормативно-правовой акт устанавливает

¹ Назаренко Татьяна Николаевна. Неопределенность в российском праве: Автореф. дис. канд. юрид. наук : 12.00.01. – М., 2006. – С. 6.

границы неопределенности, которая проявляется непосредственно при правоприменении», отмечает Б.А. Ревнов¹. Иногда это намеренно оставлено нормоустановителем, чтобы сохранить определенные варианты выбора у правоприменителя, часто неопределенность возникает по причине различных правотворческих дефектов, например, в результате лингвистической неточности, неясности фразы, и это становится причиной для различного применения одной и той же нормы. Профессор С.Б. Поляков приводит классификацию законотворческих ошибок, с которыми приходится сталкиваться судам при отправлении правосудия, и которые уже были предметом конституционного судопроизводства². Данная классификация представляет безусловный теоретический и практический интерес для дальнейшего изучения вопросов преодоления неопределенности в праве и в правоприменительной деятельности судов, с целью выработки единообразных подходов и алгоритмов принятия решений, так как «последовательность и единообразие находятся в числе наиболее желательных качеств судопроизводства, проявления которых вправе ожидать от судей граждане и общество в целом», отмечает А.Н. Верещагин³.

Исследование проблем судебного правоприменения в условиях правовой неопределенности осуществляется с различных позиций, как в общетеоретическом аспекте, так и в отраслевом. Теоретический интерес, безусловно, представляет изучение специфики судебного правоприменения как средства восполнения «неопределенности» правового регулирования. В этой ситуации суд, разрешая правовой конфликт, т.е. «реализуя право», должен это право создать, т.е. выступить в роли и правоприменителя и правотворца одновременно. Достаточно часто судам приходится использовать при отправлении правосудия ориентиры, выработанные высшими судебными инстанциями в виде постановлений по конкретным делам или разъяснений и обобщений по определенным категориям дел (судебную практику). Фактически судеб-

¹ Ревнов Б.А. Проблема пробелов в праве и ее толкование в теории нормативизма. // Юридическая мысль. – 2013. – № 4(78). – С. 83.

² Поляков С.Б. Систематизация законотворческих ошибок, исправленных постановлениями Конституционного суда РФ // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 585–593.

³ Верещагин А.Н. Судебное правотворчество в России: сравнительно-правовые аспекты. – М., 2004. – С. 161.

ная практика используется при разрешении споров наравне нормами права, а зачастую и как единственный инструмент для вынесения законного и обоснованного судебного решения. В российской системе судопроизводства все в большей степени внедряется «прецедентная» практика для нижестоящих судов при разрешении аналогичных дел. Обязательность правовых позиций высших судов можно объяснить следующими причинами: во-первых, централизация судебной системы привела к тому, что нижестоящие суды должны при принятии решений «вписываться в рамки» судебной практики вышестоящих судов; во-вторых, при обжаловании в вышестоящий суд решение, вынесенное в противоречии с релевантным прецедентом вышестоящего суда, будет пересмотрено; в-третьих, судья, нарушивший «прецедент», может иметь негативную статистику отмен своих решений, что может повлечь за собой неблагоприятные последствия для него.

Акты высших судебных инстанций, в которых содержатся правовые позиции, позволяют адаптировать правовое регулирование к социальным реалиям и максимально приблизиться к идеальному состоянию правовой определенности, а также проявлять определенную «гибкость» при принятии решений нижестоящими судами в случае такой необходимости.

Конкретизация нормативных установлений с помощью правовых позиций, содержащихся в актах высших судебных инстанций, по нашему мнению, имеет нормативную природу, поскольку конкретизирующие предписания создаются на основе уже существующих норм права и в соответствии с ними, т.е. судебное правоприменение в виде издания актов разъясняющего характера имеет подзаконный характер, являясь способом создания вторичных правовых норм. Исходя из этого, необходимо признать, что установленные в судебных решениях общеобязательные положения, которые конкретизируют существующие правовые нормы и обладают нормативной новизной, имеют правотворческий характер. При этом происходит оценка судьями объективной потребности в правовом регулировании тех или иных общественных отношений, оно находит свое выражение в форме «судебных прецедентов», как составляющей системы права общества, а также при определенных условиях в форме разъяснений высших судебных органов по вопросам сложившейся судебной практики. В

этих формах суд создает некую особую сферу нормативной реальности.

Как указывает Илларионов А.В., к числу судебных решений, имеющих нормативный характер и которые являются, по его мнению, формальными источниками права, в Российской Федерации относятся:

1) акты Европейского суда по правам человека, отвечающие критериям, предусмотренным Федеральным законом «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»;

2) акты Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов Федерации о признании неконституционными (неуставными) подведомственных нормативных правовых актов и договоров, а также решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов о признании недействующими подведомственных нормативных правовых актов;

3) акты судебного официального нормативного толкования Конституции РФ и конституций (уставов) субъектов федерации¹.

Таким образом, судебное правоприменение, в процессе судебного толкования при дефектности права или при судебной конкретизации неопределенных правовых норм имеет правотворческий характер, восполняет правовые пробелы. Поскольку суд официально не наделен правотворческими функциями в их классическом понимании, он вынужден в процессе разрешения конкретного дела использовать иные правотворческие подходы: применять аналогию закона или аналогию права. В юридической литературе указывается и на такой вид судебного правотворчества, как исправляющее правотворчество, под которым понимается «деятельность судов, вызванная противоречием между волей законодателя и «волей закона» и направленная на устранение этого противоречия путем отмены, изменения и дополнения норм закона при помощи применения методов аналогии права и конкретизации»². В то же время необходимо отметить, что такой эффективный инструмент корректировки действующего нормативного

¹ Илларионов А.В. Акты правотворчества в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2008. – С. 13.

² Попов О.В. Теоретико-правовые вопросы судебного правотворчества в РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тольятти, 2004. – С. 14.

регулируемого не всегда используется во благо, поэтому процедура его реализации должна быть подчинена жесткой законодательной регламентации, которая на сегодняшний день отсутствует.

*Шепелева А.С.,
канд. ист. наук, доцент,
доцент кафедры общетеоретических
правовых дисциплин,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО «РГУП»
г. Краснодар*

РОЛЬ СОВЕТСКОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА В СТАНОВЛЕНИИ КОНЦЕПЦИИ ИНТЕГРАТИВНОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ (70–80-е гг. XX в.)

Интегративное правопонимание имеет свои социальные, политические, экономические, идейные, духовно-нравственные истоки. Оно основано не на умозрительных предпосылках, а на многочисленных обычаях и законодательных текстах. Отвечая современным запросам интегрирующегося в процессе глобализации мира, данный подход укладывается в плюралистическое восприятие и зачастую преследует чисто прагматические цели, поскольку тенденция к интеграции права различных правовых систем проявляется в последние годы все заметнее.

Становление интегративной концепции права в России условно делят на два этапа: дореволюционный и постсоветский. Идея интегративного правопонимания появляется еще в кон. XIX в. Предпосылками данного процесса выступают:

- 1) кризис науки в целом и юриспруденции в частности;
- 2) нечеткость критериев научности, что приводит к введению в научный оборот положений, до этого трактовавшихся теорией права как не отвечающие критериям научности.
- 3) неспособность классических теорий дать ответы на вопросы меняющейся правовой действительности. Поэтому, в результате объективных причин, возникают новые подходы к праву, трактующие его как сложное, многоаспектное явление.

Именно такую задачу в дореволюционный период ставили перед собой отечественные правоведы П.Г. Виноградов, Б.А. Кистяковский, А.С. Ященко.

Однако и в первые годы Советской власти в юридической науке развивались, пусть на марксистской основе, несколько самостоятельных направлений правопонимания, сформировавшиеся еще в дореволюционном правоведении: позитивистское (В.Н. Дурденевский, М.Ю. Козловский, С.А. Котляревский, Н.В. Крыленко, Л.В. Успенский и др.), психологическое (Я.М. Магазинер, М.А. Рейснер, Е.А. Энгель и др.) и социологическое (А.Г. Гойхбарг, Е.Б. Пашуканис, А.К. Стальгевич, П.И. Стучка и др.).

В этот период перед молодой советской юридической наукой стала задача подвести марксистский базис под существующие в отечественной научной мысли концепции правопонимания. Как отмечает М.И. Байтин, «широкий» ... подход к пониманию права был предложен в советской юридической литературе ... с начала 20-х гг. (практически одновременно с «нормативным»), в том числе в известной книге Е.Б. Пашуканиса «Общая теория права и марксизм: Опыт критики основных юридических понятий»¹.

Право трактовалось «как особое свойство самих общественных отношений». Так, Е.Б. Пашуканис в 1924 г. писал: «Юридическое отношение – это первичная клеточка правовой ткани, и только в ней право совершает свое реальное движение. Право как совокупность норм наряду с этим не более как безжизненная абстракция...»².

В 20-нач. 30-х гг. XX в. в советской теории права освещались и некоторые аспекты соотношения права и закона. Однако впоследствии данная проблематика оказалась вне поля зрения советских правоведов: принятое в конце 30-х годов определение права по сути дела под правом имело в виду законодательство³.

С конца 30-х гг. в теории права на долгие годы установился жесткий позитивизм. Его представители трактовали право

¹ Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов, 2001. – С. 47–48.

² Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. – М., 1980. – С. 78.

³ Нерсесянц В.С. Выступление на Круглом столе «О понимании советского права // Советское государство и право. – 1979. – № 7. – С. 70–72.

(«классический регулятор общественных отношений») как систему норм, установленных или санкционированных государством, выражающих «государственную волю господствующего класса»¹ и обеспеченных государством.

Только в 70–80-е гг. XX в. «узконормативное» правопонимание начинает подвергаться переосмыслению. Особую роль в этом процессе сыграл проведенный в 1979 г. журналом «Советское государство и право» (№ 7, 8) круглый стол по теме «О понимании советского права». В ходе объявленной на страницах журнала дискуссии ряд советских правоведов подверг критике «узконормативное» властно-приказное понимание права и обосновал новый, так называемый широкий, многоэлементный подход к правопониманию.

Представители «широкого» правопонимания утверждали, что право включает в себя не только нормы права, но и другие как правовые, так и не правовые явления. Так, С.Ф. Кечекьян, А.А. Пионтковский А.К. Стальгевич включали в понятие права не только нормы, но и правоотношения², Я.Ф. Миколенко и его последователи полагали, что в понятие права входят нормы права, правоотношения и правосознание³. Л.С. Явич рассматривал право как нормы права и субъективные права⁴. Кроме того, в понятие права предлагалось включить принципы права, правотворчество, основные права и обязанности граждан, предполагающие правовой статус гражданина⁵, правоприменение, правопорядок, принципы права, нормы права, конкретизирующие положения, вырабатываемые судебной, арбитражной и административной практикой в процессе толкования и применения юридических норм, акты применения права и правоотношения⁶ и т.д. Однако общим, базовым началом всех определений права оставались нормы права.

В целом сторонники «широкой» концепции права видели основной недостаток господствующего в советской юридической

¹ Иоффе О.С. Вопросы теории права / О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский. – М., 1961. – С. 59.

² О понимании советского права // Советское государство и право. – 1979. – № 7. – С. 63–64. – № 8. – С. 55–56, 71.

³ Там же. – № 8. – С. 57, 59–60.

⁴ О понимании советского права // Советское государство и право. – 1979. – № 7. – С. 73.

⁵ Там же. – № 7. – С. 58–59.

⁶ Там же. – № 8. – С. 62–64, 74–76.

литературе определения права в его «узконормативном» характере. При этом нормы права, установленные государством, выступали фундаментом каждого из предложенных вариантов широкого правопонимания, что не противоречило в целом советскому легизму, лежавшему в основе советской правовой науки. Как подчеркивал В.С. Нерсесянц, многоэлементный подход был продиктован интересами дальнейшего развития социалистической теории права, повышения практической действенности законодательства, его реализации, усиления юридических гарантий прав и свобод личности, расширения профиля общеметодологических исследований в правовой науке¹.

Таким образом, в предложенном «широком» понимании права нормативность выступала как важнейшее качество права. При этом нормы предлагалось рассматривать как важнейший, базовый, но не единственный элемент права как сложного, единого, целостного явления.

Дискуссия, проведенная в 1979 г. журналом «Советское государство и право», вызвала противоречивые мнения в научном юридическом сообществе. Многоэлементный подход к праву был встречен критикой сторонников официального («узконормативного») правопонимания: за ослабление «нормативности» права, отступление от принципа социалистической законности, игнорирование специфики права, перечеркивание «достижений» советского правоведения на базе официального определения 1938 г. и т.д.².

В то же время в научной среде «широкое» понимание права стали рассматривать как «новое слово» в праве, «откровение» в правовой науке, «долгожданный исход от легизма к подлинному праву»³.

Вполне обоснованной представляется позиция В.С. Нерсесянца, который подчеркивал, что с точки зрения соотношения права и закона данная полемика носит непринципиальный характер. Как сторонники, так и противники широкого правопонимания по сути дела в своих теоретических построениях остаются в

¹ Нерсесянц В.С. Выступление на Круглом столе «О понимании советского права // Советское государство и право. – 1979. – № 7. – С. 70–72.

² Нерсесянц В.С. Философия права. – М., 2013. – С. 556.

³ Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений : монография. – М. : РГУП, 2018. – С. 506.

рамках законодательства. Те элементы, которые наряду с нормой права сторонники «широкой» концепции предлагают включить в понятие права (правоотношение, правосознание и субъективное право), являются в их конструкциях производными от нормы права, под которой имеется в виду норма законодательства. Также очевидна логическая несостоятельность перечисления в определении права наряду с нормой производных от нее явлений и признаков¹.

Кроме того, как справедливо отмечает В.В. Ершов, научно-дискуссионные и разнообразные концепции интегративного «широкого» правопонимания являются беспредельно широкими, включающими в себя как собственно право в форме национальных правовых актов («законодательство», «закон»), так и неправо, т.е. разнородные правовые и иные неправовые элементы, например, правосознание, правоотношения, правоприменение, правопорядок и т.д.²

В то же время, несмотря на то, что «широкий», многоэлементный подход к праву по сути является «нормативным», следует отметить, что его появление стало новым этапом в генезисе отечественной юридической науки. Монополия официального «узконормативного» социалистического правопонимания, царившая в советском правоведении с кон. 30-х гг., была разрушена, начался постепенный, но закономерный процесс движения к плюрализму научных взглядов в отечественной юриспруденции.

С принятием Конституции РФ 1993 г. задачей современной теории права становится не отбросить все достижения прошлых лет, а синтезировать, интегрировать два основных подхода к праву, создать новый, комплексный подход.

Идея интегративности вариативна, она допускает множество толкований сущности права, иногда значительно разнящихся. Интегративный подход, базируясь на признании плюрализма правовых общемировых ценностей, дает возможность выявить общее определение права. Не отрицая достижений позитивизма и естественноправовой теории, интегративный, синтетический подход примиряет их, позволяет найти единое определение пра-

¹ Нерсесянц В.С. Выступление на Круглом столе «О понимании советского права. – С. 72.

² Ершов В.В. Указ. соч. – С. 505.

ва, выражающее его многогранность и многоуровневость. Как справедливо отмечает В.В. Ершов, научно обоснованная концепция интегративного правопонимания является наиболее перспективной как с научной, так и с практической точки зрения, поскольку «снимает» взаимоисключающие крайности традиционных, веками доминирующих типов правопонимания¹.

Насколько жизнеспособен интегративный подход, может ответить только юридическая практика. Однако необходимо подчеркнуть, что возникновение и развитие данного подхода всегда обусловлено требованием времени, объективными и субъективными причинами. Исторический опыт развития юридической науки наглядно подтверждает, что даже в условиях жесткой легистской догматики советской юриспруденции возникла необходимость искать новые подходы к праву, пусть и в рамках, заданных марксистско-ленинской идеологией.

*Яценко А.О.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин,
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»
г. Симферополь*

РЕГУЛИРУЮЩЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В соответствии с положениями Конституции Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Отношения между человеком и государством должны основываться на взаимной ответственности. Нормы трудового законодательства призваны содействовать процессу гуманизации всех правовых институтов с соблюдением требований Конституции.

Как отмечается в юридической литературе, особенности современного трудового права заключаются в проникновении в

¹ Ершов В.В. Указ. соч. – С. 59.

процесс правового регулирования трудовых и иных, непосредственно связанных с ними отношений норм иных отраслей российского права. С одной стороны, такое положение обусловлено динамикой правового статуса работодателей и работников, с другой – необходимостью защиты основ конституционного строя, здоровья, прав и законных интересов других, обеспечения обороны страны и безопасности государства¹.

Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Отправление правосудия государство возлагает исключительно на суды, другие же органы не имеют права принимать на себя функции и полномочия органов судопроизводства. Изменение роли и места судебной власти в механизме государственно-правового управления требует переоценки значения судебных актов в системе правового регулирования трудовых и тесно связанных с ними отношений.

Правотворческая роль судов – неоднозначный вопрос юридической науки. Осуществляя правосудие, суды обеспечивают охрану не только прав и законных интересов физических и юридических лиц, а и интересов государства в целях обеспечения его безопасности. Правосудие – основная, однако не единственная функция суда. Суды также осуществляют нормоконтроль.

Исходя из того, что суды неодинаково толкуют и применяют нормы права, высшие судебные инстанции России создают прецедентную практику.

Согласно п. 53 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» суд, являющийся органом по разрешению индивидуальных трудовых споров, в силу ч. 1 ст. 195 ГПК РФ должен вынести законное и обоснованное решение. Обстоятельством, имеющим значение для правильного рассмотрения дел об оспаривании дисциплинарного взыскания или о восстановлении на работе и подлежащим доказыванию работодателем, является соблюдение им при применении к работнику дисциплинарного взыскания на основе Консти-

¹ Рыженков А.Я. Трудовое право России : учебник для академического бакалавриата / А.Я. Рыженков, В.М. Мелихов, С.А. Шаронов; Под общ. ред. А.Я. Рыженкова. – М., 2018. – С. 10.

туции РФ и в соответствии с принципами применения юридической, а следовательно и дисциплинарной, ответственности, таких, как справедливость, формальное равенство, неотвратимость, законность, вина, гуманизм. В этих целях работодателю необходимо представить доказательства, свидетельствующие не только о том, что работник совершил дисциплинарный проступок, но и о том, что при наложении взыскания учитывались тяжесть этого проступка и обстоятельства, при которых он был совершен (ч. 5 ст. 192 ТК РФ), а также предшествующее поведение работника, его отношение к труду.

Если при рассмотрении дела о восстановлении на работе суд придет к выводу, что проступок действительно имел место, но увольнение произведено без учета вышеуказанных обстоятельств, иск работника может быть удовлетворен.

Однако в указанном случае суд не вправе заменить увольнение другой мерой взыскания, поскольку в соответствии со ст. 192 Трудового кодекса наложение на работника дисциплинарного взыскания является компетенцией работодателя¹.

Данное Постановление Пленума представляет образец интерпретации и применения права для нижестоящих судов. Особенно, это происходит в случаях пробелов в законодательстве, при этом Верховный Суд, устраняя пробел, указывает конкретный путь разрешения проблемной ситуации.

Считаем акты Верховного Суда Российской Федерации источником трудового права. Нормативистский подход, признающий единым источником права нормативный правовой акт, хоть и представляет интерес, однако не выдерживает проверки временем. Объективные закономерности существования правового государства привели к усилению правотворческой роли судебных органов. В связи с этим следует согласиться со Смирновым Л.В., который отметил, что такие процессы целесообразно считать нормотворческими, закрепить их в законе и официально придать постановлениям Пленума Верховного Суда общеобязательное значение².

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации». – URL : <http://www.consultant.ru>

² Смирнов Л.В. Деятельность судов Российской Федерации как источник права // Журнал Российского права. – 2001. – № 3. – С. 57.

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ ПРАВОВОЙ
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ:
ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

**Материалы
II Всероссийской научно-практической конференции
(23 мая 2018 г.)**

Сборник статей

Статьи публикуются в авторской редакции

Технический редактор А.С. Семенов

Компьютерная верстка М.Н. Гусева

Дизайн обложки О.Я. Фоменко

Подписано в печать 12.10.2018

Бумага «Снегурочка»

Печ. л. 5,7

Усл. печ. л. 5,3

Уч.-изд. л. 4,8

Формат 60×84^{1/16}

Печать трафаретная

Изд. № 974

Тираж 105 экз.

Заказ № 1960

ООО «Издательский Дом – Юг»

350072, г. Краснодар, ул. Зиповская 9, литер «Г», оф. 41/3

тел. +7(918) 41-50-571

e-mail: id.yug2016@gmail.com

Сайт: <http://id-yug.com>